

Экстазис

Василий Головачев

**Беспощадный, или
Искатели смерти**

«ЭКСМО»

2003

Головачев В. В.

Беспощадный, или Искатели смерти / В. В. Головачев —
«Эксмо», 2003 — (Экстазис)

ISBN 5-699-14039-5

Их пытались сделать врагами, но они стали друзьями. Из них рассчитывали сделать убийц, но они стали лишь мстителями, руководимые справедливостью и возмездием. Их лишили прошлого, но они устремились в будущее, творя его собственными руками. Андрей Данилин, Гордей Буй-Тур и Владислав Тарасов – воины новой армии, армии Света и Добра, призванной Русью в час беды. Верные Отчизне, сильные духом, беспощадные ко злу. Их битва начинается...

ISBN 5-699-14039-5

© Головачев В. В., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Хорхе Манрике, испанский поэт, 1440–1479 гг	5
Кострома	9
Остров Мауи, Гавайи	20
Буй-Тур	35
Федоров	47
Мон-Сен-Мишель	55
Федоров	61
Данилин	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Василий Головачёв

Беспощадный, или Искатели смерти

В романе использованы стихи М. Алигер, В. Брюсова, В. Вишневского, И. Васильевой, А. Кравцова, С. Павлишина, В. Высоцкого.

*Пробудись от сна, душа,
Огляди в раздумье строго
Все, что живо:
Как проходит жизнь, спеша,
Как подходит смерть к порогу
Молчаливо.¹*

*Но есть еще одна святая сила.
Она меня любовью осенила,
Благословение дала свое —
Не эсеница, не смертная —
Россия,
Великое отечество мое.²*

Хорхе Манрике, испанский поэт, 1440–1479 гг 11652 год до н.э

День летнего солнцестояния

Впервые за многие сотни лет небо над горой очистилось от туч, и на величественный белый терем Храма Китовраса упал первый луч солнца, превратив его в сияющий снежно-золотой кристалл.

На верхней террасе Храма, венчающей главную маковку терема, стояли двое в бело-алых одеждах, глядя с высоты гигантского сооружения, единственного уцелевшего во время войны, на склоны горы, испещренные шрамами и трещинами, и на руины древнего города, засыпанные слоем пепла и обломками скал. Гора и остров представляли собой остатки некогда великой Гипербореи, исчезнувшей в волнах океана. Они медленно, но неотвратимо погружались в воду, со всех сторон окруженные подступающими льдами.

– Цена заплачена высокая, – глухо проговорил старший из жрецов, высокий, седой, с сияющими желтым огнем глазами провидца. – Может быть, слишком высокая.

– Но заставит ли это потомков наших следовать законам Прави? – отозвался второй, пониже ростом, но плотнее, с иссеченным морщинами жестким волевым лицом; глаза его казались прозрачными аквамаринами, подсвеченными изнутри. – Я не вижу будущего, оно для меня закрыто. А что видишь ты, Сварг?

Седой долго молчал, подставив лицо солнцу и полузакрыв глаза. Наконец он заговорил:

– Цель достигнута. Ликвидированы две последние тайные системы, паразитирующие на человечестве. Но я предвижу появление новых систем управления, еще более изощренных и агрессивных. Они превратят род человеческий в стадо, послушно кормящее избранных. Одна из систем искусственно создаст новый вид рабов, который станет носителем удивительной, но жестокой религии.

– Такое уже было, – покачал головой спутник седого.

– Эволюция идет по спирали, – рассеянно сказал седой. – Циклы повторяются. Структура контроля реальности создавалась уже не один раз.

– Коррекция популяции динозавров, – кивнул морщинистолычий. – Распад Лемурии. Теперь очередь Атлантиды и Гипербореи... Что дальше?

– Маги уходят. Останутся жрецы-бессмертные, хранители знаний. Социум изменится, но вместе с появлением новых *настухов* появятся и новые носители ответственности. Структура контроля проснется и очистит землю от тех, кто жаждет абсолютной власти. Это Закон.

– И все вернется на круги своя, – усмехнулся его собеседник. – О нас будут сложены легенды, как слагались они о тех, кто читил законы Прави до нас, потом легенды воспоют подвиги потомков, и так далее, и так далее. Кончится ли этот процесс когда-нибудь?

– Творец вернется, – убежденно сказал седой, – чтобы проверить, как живут Его Дети и Его Творение. Возможно, людям придется выпить океан страданий, прежде чем они окончательно сбросят всех *настухов*. Но для этого им прежде всего надо изменить себя.

Помолчали, разглядывая стаю серебристых птиц, облетающих остров и гору с Храмом на вершине.

– Грустно уходить, – вздохнул спутник седого по имени Дажь. – Знаю, что это необходимо, но все равно грустно. Хочется пожить еще пару циклов, чтобы посмотреть на тех, кто придет нам на смену. Какими они будут?

– Смелыми, отважными, – улыбнулся седой, – справедливыми. Они будут нашими потомками, потомками богов, хотя и вспомнят о своих корнях не скоро. Их назовут *славопоющими русами*, то есть светловолосыми. Они заселят Святой материк и никому эту землю не отдадут. Несмотря ни на что!

– Ты... *знаешь*, Сварг?

– Я *верю*, Дажь, – ответил седой Сварг. – Верю и надеюсь. Пошли к остальным. Время не ждет, пора уходить и нам.

Один за другим они спустились по белокаменной лестнице вниз, в недра Храма, хотя могли бы перенестись туда мысленным усилием, так как оба владели *легкоступом*, то есть умели уменьшать вес тела, проходить сквозь стены и преодолевать мгновенно большие расстояния. В центральном зале Храма, где стояла фигура Китовраса, его основателя, высотой в пятьдесят локтей, сделанная из цельной глыбы железного метеорита, вокруг которой постоянно вились струйки золотистого сияния, уже собрались соратники Сварга и Даждя. Они представляли собой *команду*, исполнившую закон Прави: «Никого над нами, кроме Творца!» Команда выполнила свою задачу, сбросив путы *настухов*, пытавшихся управлять человечеством согласно своим принципам. Дорогой ценой, но выполнила, хотя при этом война магов Атлантиды и Гипербореи-Арктиды уничтожила цивилизации, сбросив социум на уровень *нулевого отбора*. Но человечество уцелело, и у него еще был шанс восстановить свой потенциал и достигнуть вершин духовной зрелости, преодолев все свои комплексы, звериные инстинкты и неумную жажду власти. Команде пришла пора уходить со сцены истории. Так велел Закон, установленный Творцом. Но только Сварг, пресветлый Князь Собора – *водитель* команды знал, что не за горами время активации Закона, следующего за самоликвидацией команды. Им еще предстояло вернуться в земной мир, хотя и в другом обличье, ибо на смену уничтоженным *поводырям* людей уже двигались их последователи.

Уходящие стояли в центре зала – две сотни владык в белых с пурпуром одеждах, седые и темноволосые, старцы и мужчины в расцвете сил, молодые женщины и старухи-ведуньи, и молча смотрели на *водителя*, понимая все без слов.

– Мы уходим, – заговорил Сварг, и звучный голос его взлетел птицей над всеми, странным образом не создающим впечатление покорной *толпы*, вернулся обратно вибрирующим эхом, от которого шатнулось пространство зала. – Мы уходим, но мы останемся здесь, на Земле.

У каждого из вас есть своя личная задача и есть общая – хранить традиции Рода и передавать их потомкам нашим неискаженными. Это трудная задача, но ее надо выполнить. Слава Роду!

– Слава Роду! – отозвались сподвижники Сварга, будущие прародители и водители *славопоющих* племен, наполнив гулом гигантское помещение.

– Прощайте! И да хранит вас Род!

Эхо последних слов Сварга метнулось между резными колоннами и статуями зала, колыхнуло световую вуаль, окутавшую фигуру Китовраса красивой феерической радугой. Люди в бело-пурпурных одеяниях двинулись мимо нее к арке из белого, с блестками, камня. Проходя по одному под аркой, они замирали на короткое время, закрывая глаза, и шли дальше уже с иным выражением *просветленных* лиц. С этого момента они переставали быть бессмертными носителями Закона и становились защитниками Рода. Их ждала нелегкая судьба хранителей знаний.

Храм опустел.

Соратники Сварга и Даждя, витязи и ведуны, сели в летающие лодки – раманы и отбыли на материк, названный впоследствии Евразией. Руководитель *команды* и его уладич, заместитель, снова поднялись на террасу, венчающую Храм.

Стая птиц все так же продолжала летать над горой и Храмом, словно предчувствуя их скорое исчезновение и прощаясь с ними. Последние зеркально-прозрачные блики раманы скрылись за горизонтом. Теперь двое магов на террасе остались последними представителями некогда могучей северной цивилизации, пережившими ее распад. Но пришло и их время уходить в Навь.

– Мы вернемся, – едва слышно пообещал Сварг.

И словно дождавшись его слов, остров под горой вздрогнул, низкий гул раскатился по водам океана, гора затряслась, завибрировала, длинные трещины разорвали ее основание. Храм на вершине горы закачался, задрожал, стал разваливаться.

Два мага поднялись в воздух мысленно-волевым усилием, продолжая наблюдать за развивающимся катаклизмом с высоты четырех тысяч локтей.

Из трещин в основании горы ударили вверх струи пара. Остров стал погружаться в воду быстрее. От него во все стороны прынула волна цунами, достигла льдов на горизонте, обрушилась на них, ломая огромной толщины поле на отдельные плиты и айсберги.

Затем буквально в несколько мгновений остров и гора ушли под воду, вверх взлетел гигантский пароводяной фонтан, с торжественной медлительностью оплыл, и вторая волна цунами помчалась к ледяным полям, довершая их ломку. Однако волнение воды продолжалось недолго, вскоре океан успокоился, превратился в зеркало – при полном безветрии, пряча под толщей вод утонувший материк – Арктиду, и лучи низкого солнца образовали золотой ореол вокруг двух крохотных фигурок, висящих в воздухе. Миг – и их не стало!

Защитники человечества, которым суждено было много тысяч лет спустя стать в памяти людей богами, ушли в иные сферы бытия...

Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Висится остров, давно моряками забытый, —
Ultima Thule.

Остров, где *нет* ничего и все только *было*,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоих плоскогорьях я буду *единым!*
Я посету ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule...

Кострома XXI век

15 ноября, вечер

Квечеру пошел густой мокрый снег, и мир сразу преобразился, став плоским, двухмерным и двухцветным, серо-белым. Снег облепил ветви деревьев, скрыл под собой изъяны городского пейзажа и выглядывающие кое-где зеленые стрелочки елей, а пятна травы лишь подчеркивали всевластие наступающей зимы.

Преобразились и люди, уставшие от осенней распутицы и грязи. На лицах прохожих замелькали улыбки. И хотя до Нового года было еще далеко, целых полтора месяца, все ощущали приближение праздника, чему способствовали и отреагировавшая заранее реклама, и появившиеся в продаже елочные игрушки.

Однако настроение Андрея Данилина, бывшего инструктора спецназа по выживанию в экстремальных условиях, а теперь учителя физкультуры, было минорным. Во-первых, он окончательно разошелся с женой, переставшей терпеть покладистость мужа по отношению к начальству и его малые заработки.

Длилась эта агония совместной жизни уже много лет и наконец разрешилась естественным образом. Жена устроила Андрею очередной скандал (в молодости она была красавицей и знала себе цену), обвинила его во всех смертных грехах, в том числе – в наличии любовницы, чего он себе никогда не позволял, – и Андрей ушел из дома. Собрал вещи, книги, сел в машину – у него была двухлетнего возраста вазовская «Лада 2120» «Надежда» – и уехал. Теперь он снимал комнату у Анны Игнатьевны Резниченко, семидесятивосьмилетней старушки, бывшей учительницы русского языка, в доме по улице Беговой, недалеко от ресторана «Север» и гимназии, в которой работал. Естественно, данное обстоятельство не способствовало хорошему настроению. Но были и другие, не позволяющие чувствовать себя хозяином положения.

К примеру, в гимназии появилась в восьмом классе новая ученица. Девочка привыкла помыкать родителями, считала ниже своего достоинства заниматься физкультурой, за что и получала соответствующие оценки. А родители, особенно ее мать Эльвира Жановна, тут же начали жаловаться директору гимназии о «притеснении их любимого чада». Кроме того, отец пообещал даже устроить учителю физкультуры «сладкую жизнь», кое обещание недавно вылилось в открытый конфликт между друзьями отца девочки и Андреем.

К нему на квартиру заявились четверо подвыпивших мужчин и агрессивно потребовали «не издеваться над ребенком» и поставить дочери Эльвиры Жановны пятерку в четверти. Конечно, Данилин выставил за дверь всех четверых, но мужчины пообещали вернуться и «как следует проучить строптивого учительишку», что, в общем-то, вполне могло случиться.

Второе обстоятельство было сродни первому.

Три раза в неделю Данилин вел в городском Дворце спорта секцию русского боевого искусства «Характерник». В секцию ходили как молодые люди восемнадцати-двадцати лет, так и взрослые дяди и тети тридцати-сорокалетнего возраста. И вот однажды в середине октября к Андрею в зал ввалились крутые парни в одинаковых фиолетовых костюмах и потребовали научить их «сворачивать челюсти и ломать кости». Андрея покорила их фамильярность и безапелляционность, но он, наверное, не стал бы противиться и принял парней в группу, если бы случайно не выяснил, что все пятеро являются телохранителями депутата Костромской городской Думы Иосифа Ивановича Лазарева, бывшего подполковника милиции, сколотившего состояние на посредничестве между криминальными структурами и государственными

органами. Пришлось «фиолетовым» отказать, на что они отреагировали крайне болезненно и тоже пообещали Данилину «надрать задницу, чтоб не залупался», и если не согласится учить – засадить его на нары. В серьезности их намерений Андрей не сомневался. Эти люди, не знающие и не пытающиеся принять нормы нравственности и общественной жизни, жили по волчьим законам и считали себя хозяевами страны.

В шесть часов стемнело, на улице зажглись фонари, высвечивая торжественно-медленный, тихий снегопад, а Андрей все сидел у окна в темной комнате, смотрел на снег и думал о своей судьбе, впервые оценив одиночество не как дар, а как испытание. Данилину недавно исполнилось сорок шесть лет. Рост он имел высокий – под метр девяносто, седина только появилась в его темных, не очень длинных волосах. А в карих глазах, да и во всем облике чувствовалась дремлющая сила и доброжелательность. Друзья у Андрея были, но далеко: Толя Гармаш в Киеве, Юра Георгиади в Тбилиси, Слава Кондратьев, с которым он проучился в школе, в одном классе, все одиннадцать лет, в Москве. В Костроме же друзья так и не появились, были только хорошие приятели, с которыми он изредка встречался на работе, в спортзале или на вечеринках. Все-таки этот город не стал для него родным, хотя он и прожил в Костроме двадцать лет, переехав сюда – к жене – после свадьбы.

Впрочем, один друг все-таки имелся в наличии – Лёва, или Лев Людвигович Федоров, инженер-механик, кандидат технических наук, пятидесяти четырех лет от роду. Познакомился с ним Андрей десять лет назад, случайно, на дне рождения у двоюродного брата жены, также инженера. С тех пор они довольно часто встречались, особенно в те дни, когда Лев Людвигович возвращался в Кострому из длительных командировок, и с удовольствием проводили время в беседах. Федоров был старше Андрея на семь лет, но живой и общительный характер, увлеченность идеями и работой делали его намного моложе своего возраста, а если к этому прибавить отменное физическое здоровье – Лев Людвигович выглядел атлетом, – то получался облик спортсмена, а не заморенного кабинетной тишиной ученого. Недаром коллеги Федорова из Института прикладной механики шутили, что он – первый силач среди инженеров и первый инженер среди силачей. Иногда шутка сводилась к тому, что Льву Людвиговичу в институте нет равных по физическому развитию. После паузы следовало продолжение: и по физико-математическому тоже. Что, кстати, вполне соответствовало истине, потому что математическим аппаратом Федоров владел на уровне доктора физматнаук и все свои инженерные решения обосновывал и обсчитывал сам.

Правда, в последнее время, примерно с год, Андрей виделся с ним всего два раза, да и то минутно. У Льва Людвиговича началась полоса каких-то жизненных неурядиц, он ушел из института, некоторое время работал в Брянске у знаменитого на весь мир Владимира Леонова, отца-основателя теории упругой квантованной среды, потом жил в Москве, еще где-то, и Андрей почти потерял его след. Подумав об этом, он потянулся к телефону, собираясь тут же позвонить другу, но телефон вдруг зазвонил сам, будто ждал этого момента.

– Алло, – сказал Андрей, сняв трубку.

– Привет, дружище, – зарокотал в мембране голос Федорова. – Жутко рад, что застал тебя дома!

– И я рад! – искренне ответил Андрей. – Только что о тебе подумал, и тут ты звонишь! Прямо мистика. Ты где?

– Час назад из столицы. Не забежишь? А то я завтра опять уеду. Бог знает, когда еще свидимся.

– Непременно зайду. Лена с тобой?

– Нет, жена в Брянской губернии осталась, у родственников, я один прискакал. Но через месяц и она приедет. Так когда тебя ждать?

– У меня с семи до девяти тренировка, поэтому жди не раньше половины десятого.

– Обнимаю. – В трубке послышались гудочки отбоя.

Андрей, улыбаясь, положил трубку и стал собираться, чувствуя легкое нетерпение и теплое дуновение положительных эмоций. Хотелось бежать к другу немедленно, однако пропустить занятия с группой он себе позволить не мог.

– Я на тренировку, – предупредил Андрей хозяйку. – Буду поздно, друг приехал неожиданно, я к нему загляну. Так что вы меня не ждите, я буду сыт и весел.

– Ты уж поосторожней там, Андрюша, – озабоченно покачала головой худенькая, с лучиками-морщинками на добром лице и прозрачно-голубыми глазами Анна Игнатьевна. – Неро-вен час, хулиганы встретят. Вон что творится в городе-то – чуть ли не каждый день стреляют!

– Ничего, я тихонечко пройду, как тень, – пообещал Андрей.

Анна Игнатьевна улыбнулась, глаза ее молодо блеснули, и он вспомнил стихотворение:

Вот женщина – она не молода.
Вот женщина – она не хороша.
Но в ней стоит, как вешняя вода,
Высокая и светлая душа.

Поцеловав старушку, ставшую ему чуть ли не матерью, Данилин вышел с сумкой через плечо, но вынужден был остановиться, так как хозяйка догнала его и протянула зимнюю шапку.

– Зима уже на дворе, – сказала она строго, – голову простудишь.

Пришлось надевать шапку, хотя во все времена года он предпочитал обходиться без головного убора, потому что умел регулировать тепловой обмен организма и не мерз даже в лютые морозы.

В семь часов вечера Андрей был уже во Дворце спорта.

Свою секцию он организовал семь лет назад по образу и подобию Школы русского воинского искусства «Любки» (с ударением на последнем слог), с руководителем московского филиала которой Данилин познакомился много лет назад, еще будучи инструктором миноистовского спецназа. Свою работу с членами секции он построил точно так же: сначала изучение законов движения и строения тела человека – через видение русской традиционной культуры, исследование возможностей своего тела, укрепление здоровья, изучение основ народного целительства, а уж потом – обучение способам самозащиты против одного или нескольких противников и работа с оружием. Такая практика принесла свои плоды. Кроме детской группы, набралась еще и взрослая, люди ходили на занятия с удовольствием, потому что в отличие от «сенсеев» других школ боевых искусств их учитель никогда ни на кого не повышал голос, не муштровал, не заставлял бездумно выполнять приемы и уж тем более не наказывал, хотя дисциплину на занятиях поддерживал достаточно строгую. За это его любили, уважали и готовы были выполнить любое распоряжение.

На этот раз к началу занятий взрослой группы пришли трое новеньких, двое парней и девушка, которые услышали о секции от своих друзей и решили попробовать себя в новом для них деле. Андрей усадил их на скамеечке за пределами тренировочной зоны, посоветовал сначала присмотреться к занятию, а уж потом прийти на следующий «сход» в спортивной форме – если они за это время не раздумают стать «характерниками», как называли сами себя члены группы.

– Сегодня наша теоретическая часть такова, – начал Данилин, когда группа рассредоточилась по залу так, как было удобно всем; одевались ученики по-разному, кто в спортивное трико, кто в кимоно, но большинство все же предпочитали носить обычные холщовые свободные штаны и такие же рубахи с вырезом на груди, как и сам Андрей. – Поговорим об экспресс-оценке возможностей противника. За несколько секунд до нападения вы должны выяснить много важных вещей: физические данные противника, наличие оружия, степень готовности к реальному бою, нервно-психическое состояние и уровень опьянения, если тако-

вое имеется. Последние два аспекта наиболее важны, так как вам могут встретиться люди, которых в народе прозвали отморозками. Это в большинстве своем психопаты и акцентуированные личности, пребывающие в постоянном нервном напряжении, разрядить которое они могут только агрессией, издевательством и физическим насилием. Они отличаются крайней жестокостью, пониженной чувствительностью к боли и притуплением инстинкта самосохранения. И вот с ними-то надо уметь общаться и вести себя достойно.

– Это значит – надо их не раздражать? – спросила одна из женщин, крупнотелая и мощная, способная, наверное, как говорил поэт, и коня на скаку остановить.

– Это значит, – улыбнулся Андрей, – что надо ясно понимать, с кем вы имеете дело. Отморозки, равно как пьяные и наркоманы, способны на что угодно. Многим из них убить человека так же легко, как раздавить муху. Поэтому для общения с ними надо не выглядеть сильным, а *быть* сильным, и демонстрировать не показное умение строить «японские» позы, а реальное умение драться до конца, невзирая на боль и раны. В ином случае лучше сразу же обратиться в бегство или сдаться на «милость» победителя – со всеми вытекающими последствиями.

Члены группы – в этот вечер их собралось больше тридцати – зашумели и смолкли.

– Но есть ли смысл начинать бой, если они вооружены? – задал вопрос пожилой мужчина с окладистой бородой, Багратион Петрович Самохин, сторож санатория, которого все за глаза почему-то прозвали Кутузовым.

– Вот об этом и побеседуем, – сказал Андрей. – А потом приступим к физическим упражнениям.

Однако побеседовать с учениками ему не дали.

В зал вдруг вошли плотной группой человек семь – все крепкие, накачанные, в одинаковых фиолетовых костюмах, и Андрей узнал среди них своих недавних визитеров, пожелавших поучиться боевому мастерству. Затем из-за их спин не спеша выдвинулся невзрачный господин в желтом костюме, худой, лысоватый, заросший рыжей щетиной, обозначающей, очевидно, бородку. Глаза его закрывали модные «витрины» – зеркальные очки, покрытые светоотражающей, как мыльный пузырь, пленкой. Это был депутат городской Думы Иосиф Иванович Лазарев собственной персоной.

– Мне тут сообщили, – сказал он жирным мурлыкающим голосом, не здороваясь, – что ты отказался учить моих мальчиков. Подумал о последствиях?

Андрей переглянулся с Багратионом Петровичем, прочитал вопрос в его глазах и отрицательно качнул головой. Затевать скандал не хотелось.

– Прошу вас выйти из зала, – сказал он с максимальной вежливостью и убедительностью. – Если вы хотите поговорить со мной, я сейчас подойду.

– Ты отказал моим пацанам, – не обратил на его слова внимания депутат. – Без всякого повода. Меня это сильно огорчило. Ну, раз ты такой крутой и не хочешь их учить, тогда мы тебя слегка поучим. Мальчики, сделайте мастеру бо-бо.

Семеро крепышей двинулись к Данилину, поигрывая появившимися в руках резиновыми дубинками и бейсбольными битами.

Ученики Андрея, ошеломленные таким оборотом дела, в замешательстве начали переглядываться, роптать, кое-кто из парней шагнул вперед, собираясь защитить учителя, но он их остановил.

– Урок продолжается. Вспомните, о чем мы с вами только что говорили. Это те самые отморозки, и с ними надо вести себя соответственно. Никаких переговоров! Голая правда жизни! Передвигайтесь мягко и быстро, не отрывая стопу от пола. Не подпрыгивайте на носках, как боксеры на ринге, не делайте финты, не тратьте время и силы. Смотрите и запоминайте.

Андрей спирально-сложным движением уклонился от ударов двух дубинок сразу, ускорился и уложил обоих атакующих несильными с виду тычками костяшек пальцев в шоковые

точки на шее и на затылке. Парни еще не успели упасть на пол, как он достал третьего – сильным ударом в локоть выбил бейсбольную битую, а вторым – ногой в голень – заставил молодого человека с криком отскочить на одной ноге.

На несколько мгновений движение остановилось.

– Может, хватит? – миролюбиво спросил Андрей, продолжая контролировать ситуацию. – Поговорим как цивилизованные люди.

– Я т-тебе покажу цивилизованных! – прошипел Лазарев, ощерясь. – Поломайте ему ребра! Шамиль!

Смуглолицый, с черными усами и гривой черных волос парень достал из чехла на лодыжке нож и, пригибаясь, раскачиваясь с ноги на ногу, держа в одной руке битую, а в другой нож, пошел на Андрея.

– Уровень два, – обратился Андрей к ученикам, словно продолжая лекцию. – Нападение с применением холодного оружия. Никакие спортивные схемы в таких случаях не действуют. И бить противника надо в полную силу, без пощады.

Он дождался, когда подкравшийся со спины парень ударит его дубинкой, ушел с вектора удара и тут же рывком за руку подставил нападавшего под удар черноусого Шамиля, не то чеченца, не то аварца. Раздался крик. Бита легла прямо на плечо парня, перебив ему ключицу. В то же мгновение Андрей оказался сбоку от противника, сжал железными пальцами запястье руки с ножом и сильным ударом в нос отбросил черноусого на двух еще не принимавших участия в схватке приятелей. Затем добил крепыша, который вознамерился было напасть на него с тыла.

Вскрикнувший Шамиль выронил нож, упал, закатывая глаза. У него был сломан нос.

Двое парней с дубинками попятиться было, оглянулись на своего босса, потом, повинуясь его жесту, бросились на Андрея.

Ему понадобилось ровно четыре секунды, чтобы справиться с ними.

Русская школа боя культивирует около двух десятков приемов, позволяющих остановить противника сильной болью, не причиняющих при этом существенного вреда здоровью, и Андрей воспользовался двумя из них. Первому парню он, *соскользнув* с дубинки, нанес удар в бровь, второму – также *выкрутившись* с траектории дубинки – в спину меж лопатками. С криками боли оба отскочили к своему господину, уже не помышляя о нападении.

Движение в зале снова прекратилось.

Ученики Андрея, восхищенные демонстрацией мастерства своего учителя, замерли и смотрели то на него, то на охающих гостей, то на их обескураженного предводителя.

Очнувшийся Шамиль сунул было руку под борт пиджака, где у него находился пистолет в наплечной кобуре, но Лазарев не стал доводить ситуацию до криминального завершения. Свидетели вооруженного нападения ему были не нужны.

– Уходим! – каркнул он, отступая. – Ну ты и козел, мастер! Ведь мы ж тебя теперь...

Андрей шагнул к нему, и депутат отшатнулся, замолчал, бледнея, попятился к выходу из зала.

Послышался смех – это засмеялись зрители удавшегося спектакля, парни и девушка, впервые пришедшие на тренировку.

Скрипя зубами, прихрамывая, морщась, держась за головы и травмированные части тела, грозные визитеры удалились, оставив несколько дубинок и бит.

– Соберите и выбросьте, – кивнул на них Андрей.

Ученики помоложе с охотой выполнили просьбу.

– Ну а теперь продолжим наши занятия.

– Андрей Брониславович, – сказал Кутузов, теребя бороду, – я не понял, как вы уложили первых двух гангстеров. Что это за приемы?

– Это приемы из арсенала «отравленный коготь» – удары по нервным центрам и чувствительным точкам. У японцев это искусство называется Дим-Мак – искусство «ядовитой руки», у китайцев – Да-цзе-шу – искусство пресечения боя. В русских стилях нет специального термина, хотя некоторые инструкторы и дают данной области единоборств свои названия типа «отравленный коготь» или «техника смертельного касания». Мы тоже будем изучать эту технику, но прежде научимся находить обезболивающие нервные узлы и точки реанимации, что намного важнее. Все, разговорам конец, начинаем заниматься.

Обступившие было учителя взволнованные происшедшим ученики быстро построились, и Андрей мимолетно подумал, что визит депутата Лазарева со своими телохранителями сделал доброе дело – показал всем возможности русского стиля боевых искусств. Более удачных «показательных выступлений» придумать было невозможно.

Тренировка прошла исключительно продуктивно. Воодушевленные примером учителя члены секции занимались познанием техники самореализации с небывалым рвением. Заставлять их добиваться максимальной точности выполнения приемов Андрею не пришлось ни разу.

Закончив занятия, он принял душ и поехал к Федорову, по пути заскочив в магазин и купив коробку конфет. Как и он сам, Лев Людвигович алкоголь не употреблял, зато любил сладкое и соки.

Они обнялись.

Хозяин сжал гостя так, что у того затрещали ребра. Одет он был в цветастый китайский халат, в котором могли уместиться двое таких, как Андрей.

– Рад тебя видеть, мастер. Есть хочешь?

– А что ты можешь предложить? – полюбопытствовал Андрей, разглядывая необычно худое, с темными кругами под глазами, лицо друга. – Ты неважно выглядишь, Людвигович. Али случилось что?

– Ничего не случилось, – отмахнулся Федоров, смурнея, жестом пригласил гостя на кухню. – Лечит меня жизнь, лечит от наивности, да все никак вылечить не может. Может, возраст еще детский, раз я в идеалы продолжаю верить? От искушений отказываюсь?

– Возраст не приносит мудрости, – покачал головой Андрей. – Он лишь позволяет видеть дальше: как вперед, так и назад. И очень грустно бывает оглядываться на искушения, которым ты вовремя не поддался. Так что пора и тебе над этим задуматься.

– Прямо афоризмами заговорил.

– А это и есть афоризм. Роберту Хайнлайну принадлежит, был такой американский фантаст.

– Читал в детстве, хотя ничего не помню. Из еды у меня жареная картошка и селедочка, соленья всякие. Будешь?

– Не откажусь после тренировки. Пить что-нибудь в твоём доме имеется?

– Молоко, чай, вишневый сок. Да, я от деда из Брянской губернии сбить малиновый привез, хочешь попробовать? Только он хмельной, в голову будь здоров как ударяет.

– Нет, лучше соку налей.

– Вольному воля, спасенному рай. А я хлебну дедового сбитня, мне можно, я не спортсмен.

Они чокнулись стаканами, выпили каждый свой напиток. Потом Лев Людвигович поставил на стол сковороду с картошкой, открыл банку с консервированным салатом, и оба принялись жевать, поглядывая друг на друга.

– Я не понял твоего высказывания насчет искушений, – сказал Андрей. – Что ты имел в виду?

– Не то, о чем ты подумал, – ухмыльнулся Федоров; глаза его заблестели. – Как известно, пророков в родном отечестве не любят и не замечают. Попробовал я сунуться со своими пред-

ложениями в госструктуры и получил от ворот поворот. Осмеяли и даже пообещали посадить «за попытку получения государственных средств в личное пользование».

– Ну, тупости нашим чиновникам не занимать, – согласился Андрей. – Давно известно, что самый страшный на свете зверь – российский чиновник, защищающий свою персональную кормушку.

– Вот я и говорю – выперли меня на всех уровнях. Только в военном ведомстве пообещали рассмотреть мою заявку, да уже почти год прошел, а от них ни слуху ни духу. Зато американцы готовы взять меня на полный кошт, обеспечить всем необходимым, дать квартиру, машину, счет в банке...

– Искушение действительно великое, – кивнул Андрей. – Неужели ты не согласился?

– Я русский человек, – с прорвавшейся горечью вздохнул Лев Людвигович. – Не могу я жить за границей, вдали от родины, и не хочу. К тому же янки практически в кабалу загоняют, так как по условиям контракта я не имел бы права не то что в Россию ездить, родителей навещать, но и вообще носа высовывать с территории научного центра. Отказался я, разумеется. Вот и маюсь теперь, деньги ищу на исследования и создание опытной установки.

– О чем речь?

– Ты об эффекте Ушеренко что-либо слышал?

– Нет.

– А о теории упругой квантованной среды?

– Ничего, – виновато развел руками Андрей. – Честно говоря, я наукой не сильно интересуюсь.

– Не ты один. Эту теорию создал мой учитель Владимир Семенович Леонов, еще в прошлом веке, в девяносто шестом году. Сейчас он в Белоруссии работает, строит первый У-реактор и кое-что еще. Но не суть. Его теория УКС, естественно, не признается ортодоксальной наукой, в том числе и нашими академиками, ибо это сразу выбивает у них почву из-под ног, но подтверждений правильности теории уже накопилось столько, что отмахнуться от нее никому не удастся. За ней будущее. К тому же Владимир Семенович шел к своей теории от практики, как инженер, поэтому все его постулаты и формулы *р а б о т а ю т*, то есть проверены в реальных условиях.

– И что конкретно проверено? – скептически хмыкнул Андрей.

– Да все! В том числе созданы первые «летающие блюдца» на эффекте деформации вакуума и энергоустановки, КПД которых достигает семидесяти процентов. Да и это далеко не предел.

– Ну и ну! – качнул головой Андрей. – Ни о чем подобном не слышал. Неужели это возможно?

– Я сам такие фокусы показываю, – махнул рукой Лев Людвигович. – Могу тебе продемонстрировать. Я в деревне под Костромой хату купил и лабораторию соорудил, так как никто из больших начальников ни рубля не дал на проведение экспериментов, вот и пришлось из подручных средств сварганить испытательный стенд и приборную линейку. У меня там энлоид стоит, хочешь посмотреть?

– Что стоит? – не понял Андрей.

– Это я так назвал свой опытный образец летающей «тарелки», она использует те же принципы, что и настоящие НЛО.

– Хотелось бы взглянуть.

– Съезжу в столицу по одному делу, приеду обратно и повезу тебя на экскурсию. Тут недалеко, всего-то восемнадцать километров от Костромы, деревня Суконниково.

– Хорошее название.

– Деревня блинами знаменита, так что гарантирую блинную жизнь, а почему ее Суконниковым называют, не знаю. Веселого, кстати, в деревенской жизни мало. – Лев Людвигович погрузнел.

– Иногда мне кажется, что страдания народа российского закономерны. Ведь что материальный достаток и благополучие сделали с Америкой и Европой? Превратили тамошний народ в зажавшееся тупое стадо! Правильно наш известный сатирик Миша Задорнов утверждал: это цивилизация тел, цивилизация жратвы. Мы же вечно находимся в поиске смысла жизни, правды и справедливости, поэтому еще не ожирели и не расслабились, а потому наша цивилизация, Русь – духовна!

– И среди наших соплеменников немало моральных уродов и просто равнодушных ко всему людям.

– Ницше устами Заратустры говорил: «Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?»

Лев Людвигович сморщился.

– Такими вопросами интересуются единицы, большинство же довольствуется животной жизнью, удовлетворением инстинктов. Мессии от этой болезни не спасают, ибо требуют изменить себя и свой образ жизни. А кому охота изменять себя, ограничивать свои желания и потребности? Ты много знаешь таких?

Андрей подумал.

– В моей группе есть вполне адекватные ребята, искренне желающие изменить мир к лучшему.

– Все равно их мало и всегда будет мало. Таков человек – хомо стадный. Мой школьный приятель, ставший успешным писателем, недавно бросил писать. Я ему: Серега, ты с ума сошел? У тебя же все хорошо, твои книги раскупаются, пишешь ты интересно... А он в ответ: я всю жизнь писал не о том, понимаешь? Работал не на людей, а на определенную систему идей, оказавшихся ложными. Мои произведения отвлекали читателей от истинного пути, направляли их не в ту сторону, не к тому богу. Я понял это слишком поздно, но хорошо, что понял... Теперь он работает редактором в каком-то издательстве.

– Я его знаю?

– Фантастику читаешь?

– Редко.

– Тогда можешь и не знать. Его зовут Сергей Чесноков. Мне его по-человечески жаль, но ведь нашел же он силы бросить писать. Это многого стоит.

– Волевой мужик. – Андрей отодвинулся от стола. – Все, спасибо, насытился. Расскажи о своей работе. Что такое теория УКС? Над чем ты сейчас работаешь конкретно?

– Теория УКС очень проста. Владимир Семенович доказал, что так называемая «пустота» – вакуум представляет собой на самом деле высокопотенциальную энергетическую среду, своеобразный «вакуумный кристалл», включающий «примеси» – атомы, планеты, звезды и галактики, то есть материю. Он же открыл электромагнитный квадруполь или квантон – элементарный квант пространства, состоящий из четырех безмассовых зарядов: двух электрических и двух магнитных. Вот из этих «кирпичиков» и состоит вакуум, образуя сверхупругую среду. Их поляризация определяет электромагнитные свойства Вселенной, а деформация – гравитационные.

– В школе я учил, что гравитация является искривлением пространства, как доказал Эйнштейн.

– Ничего он не доказал. Он вцепился в свою теорию относительности и проглядел выход на теорию единого поля. УКС же как раз и представляет собой эту теорию, объясняющую не определенную область взаимодействий, а буквально *все* диапазоны силовых взаимодействий.

– Тогда твоему учителю надо срочно давать Нобелевскую премию.

– Я тебе уже говорил о пророках в родном отечестве, – усмехнулся Лев Людвигович. – Владимир Семенович не исключение. Его просто-напросто не пускают на сцену науки, замалчивают открытия, не дают выхода в печать. Да и мне, кстати, тоже. Я не могу заявить о своих достижениях ни в одном серьезном научном журнале.

Федоров налил полный стакан сбитня и залпом выпил.

– Хрен с ними, с академиками, для них наука – кормушка, а для меня – область применения знаний. Проживу и без их признания. – Он оживился. – А работаю я сейчас над моделью У-реактора. Один УР мы с Владимиром Семеновичем запустили, маленький, всего на сто киловатт. Теперь я скоро запущу реактор на один мегаватт. Ни тебе нефти не надо, ни газа, ни радиоактивных расщепляющихся материалов типа урана и плутония. Знаешь, каковы будут его размеры?

– Величиной с комариный член, – хмыкнул Андрей.

– Подкальываешь? – погрозил ему пальцем Федоров. – Если бы у меня были деньги, я бы, конечно, не экономил на материалах, а так мой УР будет занимать всего лишь багажник автомобиля. В перспективе его можно будет упаковать и в дипломат.

– Неплохо, – сказал Андрей. – Хотя и непонятно, на чем он будет работать. Разве для него топливо не нужно?

– Абсолютно! Необходим некий расходный материал, но им вполне может быть обыкновенный песок. Сам понимаешь, насколько выгодна такая технология. Кремниевого песка на Земле хоть отбавляй.

– Неужели никто из твоих оппонентов этого не понимает?

– Как раз понимают все, да только ничего не хотят делать. Им это невыгодно, теряет смысл собственная работа.

– Ну, хорошо, так реагируют ученые, их понять можно, а практики? Почему они тоже не берутся помогать?

– Потому что многие не хотят рисковать положением, вкладывать деньги в проекты, которые не дают скорого результата. – Лев Людвигович махнул рукой, потянулся было к банке со сбитнем, но передумал. – За все нужно платить. Никто не желает платить вперед и думать о завтрашнем дне, вот я и бегаю по кабинетам олигархов, пытаюсь найти спонсора.

– К сожалению, у меня нет друзей с такими связями.

– Ничего, справимся. Хочешь, фокус покажу?

– Валяй.

Лев Людвигович поспешил из кухни, жестом пригласив гостя следовать за ним. Открыл шкаф в прихожей, вытащил оттуда штангу с коромыслом и железной коробочкой на одном конце коромысла размером с два кулака. Подключил устройство к розетке в гостиной.

– Что это? – любопытствовал Андрей.

– Демонстратор антигравитации, – прищурился Лев Людвигович.

Зашелестел, разгоняясь, гироскоп.

Федоров подождал немного, глядя на экранчик какого-то прибора, укрепленного на штанге, щелкнул переключателем, и коромысло с коробочкой, опущенное прежде почти до пола, вдруг начало подниматься вверх.

– Мощность образца всего пятьдесят ватт, – сказал Лев Людвигович, – а поднимает килограмм массы. Точнее – нейтрализует вес тела массой в один килограмм. Моя летающая «тарелка» в деревне уже может поднять человека. Ну, как?

– Здорово! – искренне восхитился Андрей. – Если только это не розыгрыш.

– Обижаешь, начальник, – с улыбкой сказал Федоров. – Этот опыт известен давно, однако лишь теория упругой квантованной среды объясняет его эффект правильно. Конечно, это не прямая антигравитация, надо признаться, но тем не менее изменение квантовой плотности

вакуумного поля налицо. Когда увидишь мой энлоид в действии – поймешь, что я занимаюсь серьезными вещами.

– Я и так тебе верю.

Зазвонил телефон.

Лев Людвигович вздрогнул, меняясь в лице.

– Неужели они?..

– Кого-то ждешь? – спросил Андрей, удивляясь перемене настроения инженера.

– Никого не жду. – Лев Людвигович снял трубку. – Слушаю.

Что ему ответили, Андрей не услышал, но увидел, как потемнело лицо друга и побелели крылья носа.

– Пошли вы все!.. – Федоров резко бросил трубку на аппарат, помял лицо ладонями, криво улыбнулся, поймав недоумевающий взгляд гостя. – Сволочи!

– В чем дело?

– Уже не первый раз звонят какие-то типы, страшат, грозят башку оторвать... Откуда только телефоны мои узнают! Даже по мобильному находят.

– Ну, это в нынешние времена не проблема. Что они от тебя хотят?

– Требуют, чтобы я прекратил работу над своими проектами.

Андрей выпятил губы.

– Ерунда какая-то! Кому это понадобилось – запрещать ученому работать над какими-то теоретическими проектами?

– В том-то все и дело, что это не теоретические проекты, а практические, дающие реальный результат. Больше всего этих «доброжелателей» волнует как раз мой УР.

– Реактор?

– Да.

– В чем там соль?

– Все энергетические процессы в конечном итоге сводятся к освобождению энергии из вакуумного поля, независимо от того, зажигаем ли мы свечу или взрываем атомную бомбу. В У-реакторе мы разгоняем с помощью кумулятивных взрывов микрочастицы – обыкновенные песчинки, которые ударяются о мишень и порождают ливни ядерных реакций с очень приличным энерговыделением – до десяти миллиардов джоулей на килограмм массы. Хотя и это не предел. Представляешь?

– Нет.

– Короче, одна опытная установка уже работает, та, которую мы создали с Леоновым, она сейчас в Белоруссии. А вторую я потихоньку монтирую, вот только средств не хватает. Из-за нее и разгорелся сыр-бор. Кстати, начались звонки аккурат после моей встречи с представителями Министерства обороны. Сначала уговаривали не лезть в «закрытые» области науки, потом начали грозить.

Лев Людвигович снова изобразил кривую улыбку.

– И ты не знаешь, кто именно?

– Увы, не знаю. Поэтому и перестраховываюсь, поселил Леночку у родственников, чтобы одна не оставалась, пока я по кабинетам бегаю. Ничего, не бери в голову, прорвемся, мне не впервой воевать с чинушами и рэкетирами. Пойдем еще чайку глотнем.

– Нет, спасибо, поздно уже, хозяйка будет волноваться. – Андрей встал. – Рад был повидаться. В следующий раз уже ты ко мне заявишься.

Лев Людвигович проводил гостя до порога.

– Диана не звонит?

– Встретились как-то раз в универмаге, случайно, с ней какой-то мужичок был молодой, весь в коже, ну я и прошел мимо. А так не звонит.

– Правильно сделал, что ушел, – сказал Федоров. – Она в нашей компании никогда о тебе доброго слова не говорила, да и... – Он осекся.

– Дело прошлое, – слабо улыбнулся Андрей. – Не будем ворошить. Пусть живет, как хочет. А тебе я посоветовал бы заявить в милицию об анонимных угрозах. Делать они ничего не станут, но не принять заявление не имеют права. Если же угрозы будут повторяться, то можно и в Федеральную службу расследований пожаловаться.

– Я подумаю.

– Позвони, как вернешься.

– Обязательно.

Они обменялись рукопожатием, и Андрей вызвал лифт.

По дороге домой он думал о том, что не перевелись на Руси гениальные умельцы, идущие на шаг впереди всей цивилизации, и что их по-прежнему не признают ловкие дельцы от науки и преследуют «авторитеты» всех мастей.

Анна Игнатьевна не спала.

– Тебе только что звонили.

– Кто? – Андрей посмотрел на часы, спохватился. – Извините, Анна Игнатьевна, что так поздно заявился, у друга задержался, давно не виделись. Так кто звонил?

– Он не представился, – пожал плечами старая учительница. – Голос какой-то неприятный, ядовитый. Я его спросила: что передать? А он помолчал и выдал: пусть гостей ждет, должок за ним. Что за гости, Андрюша?

Данилин вспомнил недавний «урок» во Дворце спорта и понял, что в покое его не оставят. Надо было срочно вырабатывать стратегию поведения с обиженным господином Лазаревым.

Остров Мауи, Гавайи

XXI век, 16 ноября

Небо было странным, темно-бордовым, кристаллическим, с блестками звезд, и эти звезды мерцали не как звезды, а как искры костра. Впрочем, это и в самом деле были не звезды – кристаллики полевого шпата, и смотрел Владислав не на небо, а на стену пещеры, в центре которой горел костер.

Послышались голоса:

– Гроза возвращается.

– Надо сказать командиру...

– Успеем, пусть поспит еще пару минут...

Однако командир группы спецназа, полковник Владислав Захарович Тарасов, не спал. Он вспоминал...

Сначала случился кошмар с «Норд-Остом», когда чеченские боевики захватили ДК на Дубровке с восемью сотнями зрителей, среди которых оказались и родители Тарасова, решившие сводить на мюзикл внучку – двенадцатилетнюю Марину, дочку Владислава. Жена Светлана на представление не пошла, она такие шумные молодежные тусовки не любила, поэтому и осталась в живых. Родители же и дочка домой так и не вернулись, став жертвами террористов в числе других ста двадцати восьми официально зарегистрированных погибших.

Сам Тарасов в это время находился в Северной Корее, будучи сотрудником Службы внешней разведки. Узнав о трагедии, он вылетел в Москву на третий день после штурма Дворца, но успел лишь на похороны близких. В гибель дочери он поверил, только увидев ее в гробу. В одну минуту он поседел и держался лишь на самообладании и силе воли. Рядом находилась превратившаяся в тень жена, которую надо было во что бы то ни стало поддержать.

Ему дали отпуск, и он две недели провел в Москве и на родине отца – в Рязанской губернии, в деревне Чернава, вместе с женой, почти потерявшей интерес к жизни. Лишь его присутствие и терпеливое ухаживание, а в особенности желание родить еще одного ребенка, не позволили Светлане замкнуться и уйти в депрессию. В конце сентября они вернулись домой, и Светлана вышла на работу: она работала старшим продавцом в детском универмаге на улице Народного Ополчения. Владислав же снова улетел в Корею, хотя думал о своей работе меньше всего.

Новая драма разыгралась уже в его отсутствие.

Десятого октября в подсобное помещение магазина, где Светлана разбирала товар, вошел высокий и широкий, как шкаф, рыжий мужчина с усиками соломенного цвета и уставился на нее немигающим взглядом.

– Сюда, к сожалению, нельзя, – мягко проговорила женщина. – Пройдите, пожалуйста, в торговый зал.

Мужчина продолжал молча смотреть на нее стеклянными глазами.

– В это помещение посторонним вход воспрещен, – продолжала Светлана, почувствовав закрадывающийся в душу страх. – Вы наш покупатель? Пойдемте, я помогу вам выбрать покупку.

– Почему нельзя? – с трудом выговорил посетитель; говорил он с отчетливым акцентом.

Светлана повторила свои слова, добавив, что это служебное помещение не является торговой зоной.

– Почему? – снова спросил незнакомец.

Светлана растерялась. Посетитель явно не понимал русского языка. Она позвала подругу Женю, но та не отозвалась, в то время как посетитель все продолжал твердить, как попугай, свое «почему». Затем он внезапно схватил Светлану за волосы и потащил за собой.

– Это было очень страшно! – рассказывали потом Владиславу шокированные происшедшим продавщицы. – Огромный разъяренный рыжий мужик таскал Свету по всему магазину за волосы, кидал на витрины, бросил ее в стеклянную дверь! Мы кинулись к нему, а он вдруг отпустил Свету, фыркнул, как верблюд, повернулся к нам спиной и спокойно удалился.

Охранник подскочил было к нему, но он показал какую-то книжечку, сказал с акцентом: я есть дипломат неприкосновенни, – и ушел.

Хулиганом оказался тридцатидевятилетний британец Роджер Джордж Уилсон. В родной Шотландии мистер Уилсон занимался посредническими операциями, но разорился и решил поработать в России в качестве поставщика в Шотландию русских девушек. В универмаг на улице Народного Ополчения он завернул случайно, посетив до этого ирландский паб, где выпил несколько кружек пива.

Все это Владислав выяснил уже потом, спустя несколько дней после случившегося. Светлана не стала беспокоить мужа по таким «пустякам», однако по совету коллег написала заявление в милицию, которое подписали все свидетели хулиганской выходки иностранца.

Но ходу ее заявлению не дали.

Сначала Светлану Тарасову вызвали в ОВД «Щукино» и попросили забрать заявление в связи с тем, что мистер Уилсон «очень раскаивается и является ценным партнером» российских бизнесменов. Что, кстати, соответствовало истине. Светлана с таким поворотом дела не согласилась.

Тогда ее вызвали в районную прокуратуру и снова попросили не затевать тяжбу с иностранцем, ссылаясь на «некие важные обстоятельства». Светлана показала работникам прокуратуры свои синяки и царапины, медицинское заключение о побоях, гневно спросила, сколько им заплатили, чтобы они замяли скандал, и ее отпустили. А на следующий день ее сбила машина, которую милиции так и не удалось найти. Через час Светлана умерла по дороге в больницу, прямо в салоне «Скорой помощи».

Владислав прилетел из Кореи на следующий день. Отпускать его не хотели, Москва не дала добро на похороны жены в связи с важными переговорами делегации России в Пхеньяне, но Тарасов все же не послушался, бросил все дела и примчался в столицу хоронить любимую. Его попытались вызвать «на ковер» к руководству, применить методы увещевания и давления, и тогда он просто положил на стол непосредственному начальнику рапорт об увольнении «по жизненно важным личным обстоятельствам». И поскольку российская Фемида не спешила с поисками преступников, начал собственное расследование причин гибели Светланы.

Благодаря многочисленным служебным связям, он сумел установить обстоятельства случившегося, нашел сначала иностранца – в Шотландии, умело пользуясь навыками спецназа, и жестоко избил его, сломав обе руки и челюсть. Расчетливо, с холодной яростью потерявшего всех своих близких человека.

Потом вышел на след убийц, исполнителей преступления, сбивших Светлану, и убил их одного за другим, не пощадив никого!

Его взяли, когда он вышел на заказчика убийства – помощника депутата Госдумы Сяикова, непосредственно занимавшегося прибыльным ремеслом – торговлей девушками и отправкой их за рубеж.

Взяли грамотно, быстро и жестко, так как обеспокоенные начавшейся на них охотой чиновники высшего эшелона власти, коррумпированного чуть ли не на все сто процентов, задействовали лучшие силы Федеральной службы расследований (ФСР) – команду «Рэкс». Конечно, Владислав, в совершенстве владевший искусством рукопашного боя, мог, наверное,

освободиться, но для этого надо было действовать на поражение, убивать, а убивать профессионалов, виноватых лишь в том, что они выполняют приказы командования, он не хотел.

Допрашивали его на резервной базе ФСР в подмосковном Дягилеве. Он молчал. Его начали бить. На третий день допросов Владислав понял, что долго не протянет. Следователи не хотели выяснять истину, им было приказано во что бы то ни стало вытащить из пленника, что он *знает*, а останется ли он после этого живым и здоровым, никого не интересовало. И тогда Тарасов разработал и привел в исполнение план побега, настолько дерзкого и внезапного, что охрана базы не смогла ему помешать. Правда, пришлось драться на пределе сил и стрелять, и, возможно, во время побега он ранил не одного охранника, однако все-таки смог уйти и скрыться от преследователей.

Домой забежал буквально на несколько минут; запасные ключи от квартиры хранились у соседки. Умылся, переоделся, собрал самые необходимые вещи, одежду, забрал спрятанные в тайнике и не найденные операми при обыске деньги и тут же ушел. Нагрянувшие на квартиру по плану перехвата охотники ФСР его там уже не застали.

Зато на следующий день – Владислав переночевал у приятеля – к нему прямо в метро подошли мужчина и девушка, на которых он не обратил внимания, хотя следил за всеми подозрительными лицами, зная, что его усиленно ищут, и предложили ему следовать за ними. Предложили тихо, спокойно, не повышая голоса.

Одно мгновение он колебался, начинать ли схватку в переполненном вагоне метро или подчиниться судьбе, но девушка, уловив его колебания, с мягкой полуулыбкой добавила: «Мы не из Федеральной службы расследований», – и Владислав расслабился, вдруг почуяв *изменение* психофизического фона: люди, выследившие его, не желали ему зла.

На площади Маяковского они вышли из метро и сели в поджидавшую их отечественную «Волгу-3111». Мужчина сел рядом с Тарасовым, девушка – рядом с водителем, белокрысым парнем с веснушчатым лицом.

– Кто вы? – повернул голову к соседу Владислав.

Тот молча отвернул мочку левого уха, на которой с обратной стороны был вытатуирован силуэт летящего сокола.

– Не понял.

– Русский национальный орден, – оглянулась девушка.

– Никогда не слышал о существовании такого ордена, – озадаченно покачал головой Тарасов. – Что это такое и с чем его едят?

– Все скоро узнаете, – пообещал спутник девушки; внешность его была так неприметна, что забывалась тут же, как только Владислав отворачивался.

– Значит, вы не имеете отношения к силовым структурам?

– Имеем, но совсем не такое, о каком вы думаете.

– Интересно... А вы, часом, не ошиблись?

– Нет.

Владислав хмыкнул, ощущая волну уверенности, исходившую от спутников.

– Как вам удалось меня выследить? Я вроде бы профессионал, но слежки не заметил.

– Мы тоже профессионалы, – буднично, без тени рисовки или насмешки ответил мужчина.

Больше они не разговаривали.

«Волга» выехала на Волоколамское шоссе, пересекла МКАД и свернула направо, по указателю «Пенягино». Проехали Пенягинское кладбище, свернули за заправкой налево и через полкилометра остановились у сплошного бетонного забора с металлическими воротами, окрашенными в зеленый цвет, с красными звездами на створках. Рядом с воротами, врезанное в забор, располагалось небольшое одноэтажное строение без окон, но с дверью, на которой красовалась табличка: «В/ч 2112. Посторонним вход воспрещен».

Владислав напрягся.

Девушка достала мобильный телефон, сказала негромко:

– Мы прибыли.

Выслушала ответ, спрятала телефон.

Владислав, понимая, что машина подъехала к какой-то военной базе, начал было прикидывать варианты бегства отсюда, но в это время дверь строения распахнулась и порог переступил плотного телосложения мужчина в форме полковника Российской армии. Выглянувший охранник проводил его глазами до «Волги» и скрылся за дверью.

Девушка вышла.

Полковник сел на ее место, снял фуражку. Волосы на его крупной круглой голове были короткими и седыми.

– Поехали, лейтенант.

«Волга» развернулась и оставила за собой площадку въезда на территорию неизвестной базы.

Полковник оглянулся. Глаза у него были светло-серые, цепкие, умные и – в глубине – властно-беспощадные.

– Кто вы? – разжал челюсти Тарасов.

– Полковник Родарев, Всеслав Антонович, начальник двенадцатой базы Управления спецопераций ФСБ. Остальное узнаете чуть позже, Владислав Захарович, не возражаете?

– Откуда вы меня знаете?

– Поговорим и об этом.

– Куда мы едем?

– Ко мне домой. Я живу тут рядом, в Пенягине, потерпите несколько минут.

Попетляв немного, «Волга» остановилась у шестиэтажного жилого дома, стоящего на берегу довольно большого пруда. Высадив пассажиров, она тут же уехала.

Родарев повел Владислава и молчаливого коллегу к дому.

Поднялись на третий этаж недавно отремонтированного, судя по запахам, здания. Ни консьержа, ни охранника в подъезде Тарасов не увидел, но почему-то был уверен, что дом охраняется и не слабо.

Квартира начальника базы ФСБ оказалась трехкомнатной, но лишенной уюта и жилого духа. То ли полковник здесь почти не жил, то ли не был женат, и квартиру заботливые женские руки не убрали.

– Проходите, – отступил он в сторону, – обувь можете не снимать. Жена уже полгода гостит у родственников, сын недавно женился и живет у тещи, и я обитаю тут один. Да и то редко. Степаныч, сварил кофейку, пока мы побеседуем с полковником Тарасовым.

Спутник Родарева без слов удалился на кухню.

Хозяин пропустил гостя в большую комнату, где располагались старинный комод, стол с вычурными ножками, диван и пианино. На крышке комода стояла цветная фотография в рамке: улыбающийся, загорелый хозяин квартиры, лет на двадцать пять моложе нынешнего, хотя уже с сединой в волосах, миловидная женщина с косой через плечо и юноша – копия отца, лет четырнадцати от роду.

Родарев поймал взгляд Тарасова, кивнул.

– Моя семья: жена Нина и сын Ратибор. Присаживайтесь, Владислав Захарович, разговор у нас будет долгий.

– На какую тему? – осведомился Тарасов, не двигаясь с места.

– Не торопите события, я все скажу.

– Надо понимать так, что я ваш пленник?

– Отнюдь.

– А если я сейчас повернусь и уйду, ваш Степаныч не выстрелит мне в спину?

– Конечно, нет, – спокойно сказал Родарев. – Вы свободны, полковник, хотя и в пределах допустимого. Я имею в виду, что следаки ФСР вас рано или поздно вычислят и возьмут, и тогда даже мы будем бессильны чем-либо вам помочь.

– Я умею прятать концы в воду.

– Не сомневаюсь, и тем не менее...

– Вы хотите предложить мне «крышу»?

– Нечто в этом роде. – По жестким губам полковника скользнула беглая улыбка. – Садитесь, в ногах правды нет.

Владислав подумал и сел на диван.

Родарев скрылся в спальне, вернулся уже переодетым в домашнее и расположился на стуле, по другую сторону стола.

– Начну издалека, если позволите.

– С вашего Русского ордена, если можно.

– С нашего, – усмехнулся Родарев. – Это организация общего российского пространства, объединенная идеей возрождения традиций русского Рода. В принципе, я не имею права раскрывать вам герметические принципы ордена. Могу лишь дать о нем самое общее представление.

– Что ж, давайте.

– Русский национальный орден был создан в конце прошлого столетия как ответ на распад советской империи, спровоцированный конкурирующими структурами управления. Всего структур три. Одна захватила Америку, вторая Европу, третья исламский мир.

– А Китай? – не выдержал Владислав. – Корея, Япония?

– Китай и Азия вообще – наша надежда... с некоторыми нюансами. Менталитет этих народов таков, что не приемлет никакого давления сверху. Но об этом позже. Таким образом Россия оказалась в кольце чужеродных *управлений* и в конце концов подчинилась одному из них. Окончательную точку в захвате власти в стране поставили, как ни странно, чеченские боевики, захватив Дом культуры на Дубровке в октябре две тысячи второго года.

– Они-то какое отношение имеют к захвату власти?

– Терпение, Владислав Захарович. После событий с захватом почти тысячи заложников и гибели ста двадцати восьми из них стало ясно, что стране требуется не только глобальная просветительская и учебная система, которую начал создавать Русский орден, но и организация типа «Стопкрим», описанная в известных книгах. Эта организация должна была нести разведывательно-карательные функции, чтобы успешно очистить государство в первую очередь от террористов и бандитов, во вторую – от коррумпированных чиновников.

– В рамках существующего правового поля?

– Вне всяких рамок и ограничений. Официально такую организацию не дали бы создать те же чиновники и наши рьяные «правозащитники», показавшие себя прямыми предателями России, а также истеричные СМИ, уже давно управляемые той самой сатанинской системой. Поэтому «Стопкрим» пришлось создавать в строжайшем секрете. Хотя название организация получила иное.

– Но это же незаконно!

Родарев изобразил улыбку.

– Если судишь по закону – забудь о справедливости, если же судишь по совести – забудь про закон. Я продолжу, с вашего позволения. Думаю, вы вполне согласитесь с тем, что страна катится – при всем внешнем благополучии – в пропасть. Президент откровенно слаб и не может освободиться от влияния известных всем криминальных кланов. Представители власти либо идиоты, либо подчиняются командам сверху. Защитить народ некому! Государство сегодня не обеспечивает выражение интересов российского общества в целом и его корневого ядра – русского народа. Оно обслуживает интересы лишь самого богатого и ничтожного социального

среза общества и транснациональных сил. В финансовых структурах, информационном пространстве, идеологической сфере доминируют представители определенных масонских националистически-клановых образований, относящихся к совершенно иному культурно-историческому типу и насаждающих чуждые русскому и другим коренным народам России духовные, точнее – бездуховные ценности. Налицо культурная революция, сопровождающаяся деградацией российских народов, разрушением их многовековых общинных традиций, насильственным подавлением русской самобытности, свободолюбия и творческой инициативы.

– Пропаганда... – пробормотал Тарасов.

– Правда, – грустно качнул головой Родарев. – Это правда, Владислав Захарович. И никуда от нее не деться, не спрятаться. Сегодня операция по ослаблению и расчленению Российского государства вошла в заключительную стадию, и если этому не помешать, будет окончательно разрушена *внутренняя* система управления страной, начнется разлад хозяйственной жизни, сопровождающийся ростом сепаратистских устремлений и агрессивного национализма. Вы в курсе, что некие силы пытаются приватизировать военно-промышленный комплекс России?

– Нет.

– А к чему это приведет, понимаете?

– Будет потерян контроль за потенциалом Вооруженных Сил... – осторожно сказал Тарасов.

– С их последующим уничтожением... В общем, нет смысла перечислять, что произойдет. Этот процесс уже идет.

– И вы решили...

– И руководство ордена решило: хватит унижений! Пора мочить всех предателей и торговцев Россией! Пора запускать программу ликвидации управляющей нами транснациональной Системы! В результате была создана особая служба, которую ныне возглавляю я.

– Чистилище...

– Что? А-а... Нет, наша служба имеет другое название. – Всеслав Антонович помедлил немного и добавил с едва заметным колебанием:– Она называется СОС.

– СОС? – удивился Владислав. – «Спасите наши души», что ли?

– Не совсем, – улыбнулся собеседник, – хотя и близко по значению. Это аббревиатура слов «суд отложенной смерти». Позже вы поймете, почему она так называется.

– И чем же она занимается? – скептически поджал губы Тарасов.

– Как бы высокопарно это ни звучало, служба рассматривает себя как порождение внутреннего времени российского суперэтнуса, его эксперта, хранителя и гаранта.

– Гаранта чего?

– Гаранта сохранения духовной вертикали и связи с коллективным бессознательным русского народа в первую очередь. Служба ставит своей целью такое развитие событий в объективной реальности, при котором максимально сохраняется структура и естественная динамика внутреннего пространства российского этнуса.

– Это все общие слова, а конкретно?

– Конкретно роль службы можно сравнить с деятельностью психоаналитика и хирурга, пациентом которых является не отдельный человек, а целое государство. Уговаривать – значит уговаривать, резать – значит резать!

– Круто! – усмехнулся Владислав. – И при этом вы, разумеется, оставляете за собой право решать, в каком случае – уговаривать, в каком – резать.

Родарев остался невозмутимым, хотя глаза его на мгновение стали вдруг как наждачная бумага.

– Да, мы считаем, что у нас есть такое право, хотя мы не играем ни по правилам бандитов, ни по правилам государства, прогнившего насквозь. Политики, торгующие жизнями солдат,

и высшие армейские чины, получающие свою часть прибыли от этой торговли, *доигрались* в войну, не понимая, что мир изменился. Пора с этим кончать! Да вы и сами недавно прошли через это *ощущение*, потеряв всю свою семью. Не так ли?

Владислав сжал челюсти, отвернулся. Выдавил через силу:

– Я не философ...

– Дело не в философии, Владислав Захарович, вам необходимо осознать то, что осознали мы: пора менять концепцию власти в стране. Нами *никто* не должен управлять, кроме тех, кого выберет русская идея! Согласны с этим?

Владислав помолчал, пытаясь найти в рассуждениях полковника слабое звено.

– Согласен.

– Чудесно. Идем дальше.

– Я понял. Это... вербовка?

– Скорее предложение о сотрудничестве.

– А если я все же откажусь?

– Не откажетесь, Владислав Захарович. В настоящее время наши интересы совпадают. Мы не только хотим остановить беспредел преступности в стране, но и воздать по заслугам некоторым конкретным деятелям политики, экономики, финансовых и силовых структур. Ваш опыт работы за рубежом очень пригодился бы.

– Что вы хотите сказать?

– Мы дадим вам возможность отыскать спонсоров и помощников чеченских боевиков в Москве, не ради мести, ради восстановления справедливости. В одиночку вам с этим делом не справиться. Кроме того, мы выведем вас на тех, кто прикрывал убийцу вашей жены.

Владислав выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы, закрыл глаза, успокаивая разогнавшееся сердце. Мышцы рук напряглись, пальцы скрючились... и расслабились.

– Допустим, я соглашусь, – глухо сказал он. – Что потом? Что вы потребуете от меня? Я убежден, что за все надо платить.

– Мы не являемся эмиссарами дьявола, – улыбнулся Родарев. – Мы на другой стороне. Но придется поработать на благо Родины.

– За рубежом?

– В силу ваших возможностей, образования и опыта. Специалистов по России и у нас хватает, но таких, как вы, знающих языки и специфику забугорной жизни, мало. Насколько я осведомлен, вы владеете четырьмя языками? Английским, французским, китайским и корейским.

– Немного знаю латышский и финский.

– Тем более. У России за рубежом нет друзей, как бы сладко ни пели политики и журналисты, уверяя нас в обратном. У нас есть только враги, явные и скрытые, и деловые партнеры. Президент, кстати, этого не понимает, иначе не способствовал бы приближению НАТО к границам России и не закрывал бы наши военные базы на Кубе, во Вьетнаме, в Корее и Индии, в странах СНГ. Кольцо врагов сжимается, а он целуется с президентом США даже после войны в Ираке и любит себя.

– Не надо так... о президенте...

– Извините, если я слишком резок, но ведь за державу обидно. Но это к слову. Я не люблю Америку, их паразитарное отношение к природе и остальным народам. Не люблю чиновников, политиков, высокопоставленных говорунов, ненавидящих все русское, и не люблю весь американский народ, давно превратившийся в стадо баранов. Вы не ловили себя на мысли, просматривая американские фильмы, что вам никого не жалко? Ни бандитов, ни героев, ни так называемых простых граждан?

– Я редко смотрю боевики...

– Правильно делаете. Так вот мне *никого* в этих фильмах не жалко! Да и кого жалеть, если в них отъявленный негодяй сражается за место под солнцем с не менее отъявленным героем, как правило – бывшим бандитом или киллером. И все они действуют по принципу Флеминга: живи и дай умереть другим.

Тарасов усмехнулся.

– Ваша команда разве не пользуется тем же принципом?

– Нет! – отрезал полковник. – Мы пользуемся другим принципом: живи и дай жить другим! Вот почему наша команда называется СОС – «Суд отложенной смерти». Убиваем мы по крайней необходимости, если у наших врагов из террористического интернационала руки по локоть в крови и если объект коррекции не внял предупреждению. Вы еще убедитесь в этом.

В гостиную бочком вошел помощник Родарева с подносом, на котором стояли кофейный прибор, конфеты и сахар.

– Спасибо, Степаныч, – кивнул хозяин. – Подсаживайтесь, Владислав Захарович, кофе отменный, привезен прямо из Бразилии. Я растворимого не употребляю.

Молчаливый помощник полковника присел рядом с Тарасовым, взял чашку. Владислав встрепенулся, подвинулся ближе к столу, размышляя о полученной информации. В глубине души он уже принял предложение Родарева, но оглашать свое согласие не спешил.

– Я бы хотел кое-что уточнить.

– Ради бога.

– Русский орден... это масонская организация? Он как-то связан с другими тайными орденами?

Родарев и Степаныч, возраст которого было трудно уловить, переглянулись. Полковник дернул уголком губ, обозначая усмешку.

– Нет, мы не связаны с другими орденами. Более того, мы с большинством из них антагонисты, хотя едва ли они догадываются об этом. Ведь нас как бы нет. Это тот самый единственный случай, когда страна *не должна* знать своих героев.

Улыбнулся и Владислав.

– Это я понимаю. Еще вопрос: орден – военная организация?

– Орден – нет, команда СОС – да. Все мы русские офицеры и люди чести. Вы тоже офицер, кадровый разведчик, и понимаете толк в дисциплине, так что для вас не составит труда войти в наш коллектив. Единственное, что вы должны будете усвоить: добровольно принимая на себя обязанность служить высоким целям ордена, его кавалер не ищет в том личных выгод и почестей и подчиняется его правилам и распоряжениям иерархов.

– Добровольно... – скривил губы Владислав.

– Я уже сказал: вы можете уйти отсюда в любой момент. Разумеется, дав обязательство хранить в тайне полученные сведения.

– Этого достаточно?

– Для вас вполне, – кивнул Родарев, и глаза его снова на миг царапнули лицо Тарасова наждачной бумагой. – Вы человек чести, Владислав Захарович, иначе этот разговор не состоялся бы. Могу вас заверить, что РуНО всегда поддержит вас в должной мере и в должное время. Итак, ваше решение?

Владислав допил кофе, действительно оказавшийся ароматным и вкусным.

– Мне надо исчезнуть.

Родарев понял.

– Завтра ваше тело найдут среди участников автокатастрофы в районе Тулы. У вас есть на теле какие-либо заметные пигментные образования, наколки?

– Родинка на животе... и вот это. – Владислав показал выколотую на сгибе указательного пальца букву С.

– С вашего позволения мы скопируем их, а также папиллярный узор на пальцах. Судмедэксперты должны опознать личность погибшего.

– Вы что же, заранее подготовили варианты моего исчезновения?

– У нас большой опыт, – заговорил индифферентным тоном Степаныч, кинув на Тарасова безразличный взгляд. – В командах СОС только двое – живые и реальные люди, не прошедшие «спецотбор», я и Всеслав Антонович. Остальные – «мертвецы».

– И много таких команд?

– Две: СОС-1 и СОС-2. Одна специализируется на Азии, другая на Европе и Америке.

– Понятно. Я хотел бы оставить свое имя.

– Боюсь, это невозможно, – качнул головой Родарев.

– А фамилию?

Собеседники Тарасова обменялись взглядами.

– Это уже технические детали... – начал полковник.

– Фамилию можно оставить, – сказал Степаныч. – Все равно после смерти его никто не будет искать. Хотя не факт. Но имя и отчество придется изменить. Как вам – Роман Алексеевич, подойдет?

– Не имеет особого значения. Пусть будет Роман Алексеевич. Последний вопрос: что я должен делать?

– Придется кое-чему подучиться. – Степаныч собрал чашки, унес на кухню и вернулся. – Методам отвлечения внимания, психотехнике внушения, стимуляции организма, возбуждению экстрасенсорики и другим важным вещам. Через месяц начнете работать самостоятельно. Идемте, я провожу вас.

Тарасов выбрался из-за стола.

– Куда?

– Будете жить и тренироваться на базе. Там вас никто не найдет и никто из посторонних не увидит.

– Удачи. – Родарев протянул крепкую руку. – Мы будем встречаться с вами часто, Владислав... э-э, Роман Алексеевич.

– Вы хороший психолог, Всеслав Антонович. Так быстро меня еще никто не обрабатывал. Кто вы в иерархии ордена?

– Первый князь. Что касается психологии, то, во-первых, вы были готовы к восприятию данной информации.

– А во-вторых?

– Во-вторых, я не только полковник Федеральной службы безопасности, но и доктор психологии.

Владислав встретил полный скрытой озабоченности взгляд Родарева, сквозь которую на мгновение проскочила веселая искра, и они расстались, чтобы встретиться на другой день уже на базе и послушать сообщение по телевизору о крупной авткатастрофе, в которой погибли члены одной из дагестанских криминальных группировок и бывший работник посольства России в Корее Владислав Захарович Тарасов.

Месяц Тарасов провел на базе ФСБ, занимаясь спецподготовкой под руководством Степаныча – Николая Степановича Корнейчука, оказавшегося *воеводой* Русского ордена и инструктором команды СОС.

В декабре Тарасов получил первое задание – разобраться с чеченскими спонсорами теракта в Москве и с покровителями поставщиков русских девушек за границу.

В конце января он впервые провел операцию за рубежом – в Дании, уничтожив руководителей датского Комитета в защиту Чечни. Затем началась череда других зарубежных операций, и Роман Алексеевич Макаров – фамилию ему все-таки сменили – на год поселился за пределами России. Сердце его после смерти родителей, дочери и жены так и не оттаяло...

Чья-то рука дотронулась до плеча:

– Командир, Гроза вернулся.

Владислав открыл глаза, рывком сел, помассировал шею и оглядел свою гвардию «сосунков».

В наличии имелись все шестеро, запакованные в камуфляжные комбезы, в том числе посланный на разведку Иван Пантелеев по кличке Гроза; они все носили клички и отзывались только на них.

Самым старшим в группе был пятидесятилетний белорус Егор Лукаш, отзывающийся на псевдо Нос. Самым примечательным в его облике действительно был нос – картошкой, причем весьма приличных размеров. И хотя ни на силача, ни на бойца спецназа он не походил никак – с виду обыкновенный мужичонка с пегими волосами и хитрым прищуром глаз, Егор Лукаш на самом деле был высококлассным профессионалом-подрывником и вообще мастером на все руки.

Под стать ему в группе был еще один малороссиянин – сорокалетний Сергей Сергиевский по прозвищу Хохол, также с виду мало напоминающий мастера воинских искусств. Обстоятельный, неторопливый, малоразговорчивый, он больше походил на запорожского казака, торгующего арбузами, хотя в нужное время демонстрировал великолепную сообразительность, подвижность и реакцию. В группе он исполнял обязанности водителя и пилота, а также по совместительству повара, хозяйственника и стрелка.

Остальные были моложе: татарин Резван Темирхан по кличке Хан, тридцати шести лет от роду, снайпер от бога, владеющий всеми видами огнестрельного и холодного оружия, тридцатитрехлетний Гогия Донелиади по прозвищу Батон, тридцатилетний Иван Пантелеев – Гроза и самый молодой боец группы двадцативосьмилетний Анатолий Юрчик по кличке Инженер, спец по компьютерам, устройствам связи и вообще дока в электронной технике любого назначения.

Самому Тарасову исполнилось в июне этого года тридцать пять лет. Был он высок – под сто девяносто сантиметров, широкоплеч, русоволос, голубоглаз, с весьма симпатичным «нордическим» лицом, в данную минуту угрюмым. Угрюмость эта, подчеркнутая сжатыми губами, поселилась на его лице с момента похорон жены и редко уступала место выражению приязни или улыбке.

Бывший полковник Службы внешней разведки был наделен хищной энергией и грацией спортсмена-гимнаста. По природе своей он был скрытен, внимателен к собеседнику, привык держать под контролем собственные эмоции, ценил физическую и психологическую независимость. Иногда он бывал высокомерен – в пределах необходимого, особенно когда этого требовала ситуация, но никогда никого не подводил, был целеустремлен и надежен.

Полковником и помощником пресс-атташе российского посольства в Корее он стал рано, в тридцать два года, а до этого окончил Академию Генерального Штаба, был направлен в Главное разведуправление Министерства обороны, а потом переведен в СВР. Если бы не случившаяся трагедия с захватом заложников и гибелью семьи, Владислав Тарасов добился бы многого на поприще разведчика и дипломата. Теперь же он был «мертв» – официально и носил другое имя: Роман Алексеевич Макаров.

Впрочем, все бойцы группы тоже прошли через это – гибель близких и «собственные похороны».

– Что у тебя? – посмотрел на Пантелеева Тарасов.

– Их шестеро, не считая трех аборигенок, – доложил Гроза. – Можем устроить маленькую победоносную войну в любой момент.

– Нам не нужна война, ни маленькая, ни большая. – Владислав перевел взгляд на Юрчика-Инженера. – Эфир?

– Чист, – отозвался белобрысый крепыш, прослушивающий местный радиоэфир с помощью компьютеризированного сканера. Комплекс в его ранце включал широкодиапазонный пеленгатор и позволял не только перехватывать радиоразговоры в радиусе полсотни километров, но и быстро расшифровывать кодовые передачи.

– Он считает себя в полной безопасности, – подал голос педантичный Хохол-Сергиевский. – Его прятало здесь ФБР, пообещав, что никто не найдет. К тому же он родом отсюда и знает местность как свои пять пальцев.

– Переходим на режим «стойка», – сказал Владислав, поднимаясь с надувного пленочного матраса, на котором спал. – Запускайте «стрекозу». Объект должен услышать «глас божий» не позднее двух часов ночи. В половине третьего за нами прилетит челнок.

Лукаш-Нос кивнул и извлек из контейнера «стрекозу» – летательный аппарат размером с ладонь в виде натуральной стрекозы. Насекомое имело ультраоптику, позволяющую вести видеосъемку днем и ночью, в любую погоду, телепередатчик и систему управления и слышала все звуки в пределах трехсот метров. Использовалась «стрекоза» для разведки и состояла на вооружении израильских спецслужб. Российские спецслужбы тоже имели подобную технику, отечественного производства, но группы СОС за рубежом всегда использовали чужие разработки.

Объект ликвидации, о котором шла речь, был не просто наемником, воевавшим в Чечне на стороне боевиков, но, во-первых, осведомителем Федерального бюро расследований США, во-вторых, журналистом, в-третьих, кинооператором, снимавшим фильм о деятельности чеченских «борцов за свободу». Звали его Аукей Роллинг. Он родился на Гавайях, учился в Канаде, стал корреспондентом журнала «Серые гуси», несколько лет провел в Афганистане, Кашмире, в Косове и, наконец, в Чечне. Себя он считал профессиональным «воином ислама», сражающимся с «неверными». Хотя при этом он служил тем же «неверным» верой и правдой, как пес, выполняя весьма деликатные поручения фэбээровцев. Однако в вину ему вменялась не его работа на спецслужбы США, а кровавая дорожка, оставленная Роллингом в Чечне. Он убивал русских солдат так же бездумно и жестоко, как и его приятели-боевики, и снимал все убийства на пленку. А когда у него под ногами загорелась земля, «воин джихада» сбежал к своим покровителям в Америке, которые попытались спрятать полезного слугу, знающего слишком много, подальше от людских глаз.

Разведка СОС искала его полгода, пока, наконец, не обнаружила на бывшей родине – на острове Мауи, втором по величине из островов Гавайского архипелага. Аукей Роллинг построил себе бунгало на гребне вулкана Халеакала и устроился там со всеми удобствами в окружении пятерки телохранителей и трех девиц, не то жен, не то наложниц. Связь с прибрежными поселениями и столицей Гавайского штата Хало он осуществлял с помощью вертолета, поставляющего воду и продукты. Кроме того, по сведениям разведки СОС, проникшей почти во все структуры американских и западных служб, над Гавайями каждые три часа пролетал американский военный спутник, контролирующий территорию архипелага, через который Аукей Роллинг поддерживал связь со своими боссами из ФБР.

– Поехали, – сказал Толя Юрчик, надвигая на голову дугу с наушниками. – Спутник только что прошел, все тихо.

Владислав подсел к раскрытому на камне кейсу с пультом управления «стрекозой» и экраном наблюдения.

Аппарат шевельнул крылышками, тихо зажужжал и взлетел под потолок пещеры, в которой уже третий день пряталась группа. Сделав круг над головами бойцов, он вылетел в расщелину выхода.

Засветился экран видеопередачи. Стали видны уплывающие вниз склоны кратера.

Халеакалу, воспетую еще Джеком Лондоном, открыл на Мауи в тысяча семьсот семьдесят восьмом году Джеймс Кук. Вулкан высотой три километра доминировал над островом. В

переводе с полинезийского Халеакалы – Дом Солнца. Местные легенды связывали вулкан с богом Мауи, в честь которого был назван остров.

Ни Тарасов, ни члены его команды никогда не были на Гавайях, поэтому им пришлось сначала изучить географию островов и особенности климата, чтобы ориентироваться на Мауи без проводников. Однако красота Халеакалы превзошла все их ожидания, и если бы не задание, все бойцы, наверное, не преминули бы побродить по окрестностям вулкана, производящего на всех туристов неизгладимое впечатление. Когда они впервые встретили здесь рассвет, членов отряда охватило странное ощущение: надо было смотреть не вниз, на дно кратера, чтобы разглядеть его детали, а вверх! Этот своеобразный обман зрения сопровождал их и дальше, и понадобилось время, чтобы приспособиться к явлению.

«Стрекоза» изменила курс. Стал виден белый конус бунгало Роллинга, выделяющийся на фоне красно-бурых, с сиреневым оттенком, скал. До него от пещеры, в которой расположился отряд, было около трех километров по прямой. Пещеру удалось найти с помощью особой аппаратуры, способной обнаруживать пустоты в горных породах, а также распознавать человека с оружием и даже определять направление ствола оружия противника по характерному ряду резонансов в выходном отверстии пистолета или автомата.

Солнце готовилось нырнуть за гребень противоположной стороны кратера, по дну которого от скал, более мелких вулканических конусов и валунов, протянулись длинные тени.

Аппарат завис в двух сотнях метров от строения, окруженного цепью столбов с металлической сеткой. Стала видна ровная площадка с торчащим посреди вертолетом – легким «ФН-1100» фирмы «Роджерсон хиллер корпорейшн». Никакого движения в радиусе километра от двухэтажной пирамиды Роллинга телекамера «стрекозы» не отмечала.

Солнце зашло.

Вулкан сразу погрузился в полумрак, лишь некоторое время еще светились алым стены бунгало, отражая быстро тускнеющий закат. Восточную часть небосклона затянули приближающиеся полосы облаков.

– Выступаем, – коротко скомандовал Тарасов.

Бойцы группы закинули за плечи ранцы, надели шлемы и превратились в кибер-солдат, принадлежащих неизвестной армии. Маскировочные комбинезоны на них были американского производства, оружие – бельгийское и немецкое, органайзеры и системы связи – японские. Это не говорило о том, что подобные устройства, оружие и обмундирование не имелись в наличии у отечественных спецслужб, но группа действовала за границами России, и во избежание огласки при обнаружении и несчастливом стечении обстоятельств экипировку для бойцов подбирали такую, чтобы нельзя было вычислить государственную принадлежность команды. Правда, с отрядом Тарасова такие случаи еще не происходили. А вооружен он был несколько иначе, в отличие от подчиненных, имеющих бельгийские снайперские винтовки, немецкие пистолеты-пулеметы бесшумного боя и немецкие ножи. Кроме пистолета – Владислав предпочитал испанскую девятимиллиметровую «астру-100», – он имел еще абсолютно секретное оружие, снабженное на всякий случай системой самоликвидации. Любой, кто попытался бы выстрелить из него или просто взять в руки, кроме самого Тарасова, неминуемо был бы уничтожен. Этим оружием был инфран – излучатель инфразвука, поражающего внутренние органы человека без видимых внешних повреждений кожи и мышц. В зависимости от мощности импульс инфрана, настроенный на резонансы с колебаниями внутренних органов человека, мог вызывать страшную боль, ослеплять, парализовывать и убивать.

Для ликвидации Аукея Роллинга Тарасов настроил инфран на мгновенное поражение сердца киллера. Мысль помучить «воина ислама», убившего по крайней мере два десятка российских солдат и офицеров, не один раз возникала в голове, но садистом Владислав не был и наслаждаться болью и муками людей, даже таких законченных отморозков как Аукей Роллинг, не умел.

Краски заката поблекли. Небо налилось фиолетовой глубиной. Темнота в кратере сгустилась.

Все включили приборы ночного видения, переходя на инфракрасное зрение. Нагретые за день скалы щедро отдавали тепло, поэтому ориентироваться в горном хаосе было достаточно легко.

Три с лишним километра от пещеры до бунгало Роллинга, по кромке обрыва, отряд преодолел за час.

Залегли в десяти метрах от сетчатого забора. Юрчик включил малый СЭР,³ сканируя местность, и через две минуты доложил:

– Сетка под током, но телекамер и лазерных охранных систем периметр не имеет.

– Я вижу на крыше антенну, – сообщил Донелиади; Батоном его прозвали не за любовь к белому хлебу, а в связи с грузинским *батано*– сударь, пан.

– Это спутниковый коммуникатор. Территория дома никакой электроникой не контролируется.

– Тем лучше.

– Собаки? – подал голос Владислав.

– Снаружи ни одной. Внутри как будто одна имеется, хотя это может быть и кошка и любое другое животное.

– Начинаем! – скомандовал Тарасов. – До пролета спутника осталось чуть больше часа, так что торопиться особо не стоит.

Инженер и Нос вернули «стрекозу», затем бесшумно выдвинулись вперед и занялись вырезанием отверстия в сетке, используя специальные керамические кусачки. Через минуту метрового диаметра дыра была проделана. Группа переместилась на территорию бунгало, подобралась к стенам строения, сделанного из туфа и покрашенного серебристой краской для лучшего отражения свето-теплого потока. Все же Мауи был тропическим островом и температура воздуха в районе Халеакалы даже зимой не опускалась ниже плюс пятнадцати градусов.

На несколько мгновений все замерли, прислушиваясь к звукам, долетавшим сюда из глубины кратера; на дне вулкана водились дикие свиньи, козы, гавайские гуси и белохвостые кочурки, чьи крики изредка доносились до гребня.

В самом бунгало играла музыка, раздавались голоса хозяев, женский смех и шаги. Включилась душевая кабина. Заработал кондиционер. Все эти звуки ловили спецприборы в ранцах за спиной бойцов и передавали им через наушники. А включенный СЭР, имеющий лазер терагерцового диапазона, мог не только определить количество движущихся людей – по сердцебиению, дыханию и магнитной модуляции крови, текущей по сосудам,⁴ но и *видеть* их сквозь стены.

На уточнение расположения всех присутствующих в доме мужчин и женщин ушло четыре минуты. Затем началось *движение*.

Гроза и Батон подобрались к главному входу в дом и занялись замками.

Хан проник в бунгало через вторую дверь, играющую роль запасного аварийного выхода.

Хохол и Нос аккуратно выдавили стекло окна на первом этаже и забрались в одно из пустующих помещений дома.

Юрчик-Инженер страховал всех, прослушивая эфир и контролируя территорию бунгало системой электромагнитного сканирования. В непосредственном *действии* он не участвовал, выполняя более важную задачу идентификации объекта ликвидации и слежения за пространством действия.

Тарасов вошел в бунгало последним, вслед за Грозой и Батоном.

³ СЭР – система электронной разведки.

⁴ Благодаря эритроцитам, включающим атомы железа, кровь имеет магнитные свойства.

Операция разбилась на фазы.

Первую исполнили Хан и Нос, проникнув в комнату, где располагалось оборудование спутниковой связи, и уничтожили коммуникатор.

Вторую фазу завершил Инженер, определив точное местонахождение Аукея Роллинга и дав соответствующее целеуказание. «Воин джихада» занимался любовью одновременно с двумя девицами в спальне на втором этаже.

Третья фаза означала общее движение к цели – с попутным устранением помех. Каждый член команды делал это по-своему, но – не убивая тех, кого не следовало убивать без нужды, а только отключая сознание – ударом ли в голову, в шею, или тихим удушением.

На второй этаж поднялись только двое, Тарасов и Хан. Несколько мгновений прислушались к возне в спальне, сопровождающейся стонами, ахами, возгласами и смехом.

– Все тихо, – доложил по радиации Инженер. – У нас в запасе двенадцать рабочих минут плюс полчаса на отход.

Владислав посмотрел на спутника. Хан поднял ствол пистолета-пулемета, ударом ноги распахнул дверь и вскочил в спальню, слабо освещенную синеватым ночником.

Тарасов вошел следом.

Это была не просто спальня, но будуар, оборудованный всем необходимым для получения плотских утех. Но больше всего поражала необъятная кровать, на которой смогли бы, наверное, расположиться сразу не менее десяти человек.

Занятые любовью обитатели будуара не сразу поняли, что произошло.

– Какого черта?.. – начал было хозяин бунгало по-английски, абсолютно голый, волосатый, бритоголовый, с роскошной «моджахедовской» бородой, и замер.

Девицы под ним завизжали, заметив наконец две темные фигуры в спальне.

Вспыхнула люстра – Гроза нашарил выключатель.

– Аукей Роллинг? – равнодушно задал вопрос Тарасов.

Бывший наемник оторвался от девиц, сел, потянулся к дверце в стене за кроватью, но до нее было далеко.

– Кто вы?!

– Аукей Роллинг? – повторил вопрос Тарасов, не обращая внимания на девиц, отползших в угол кровати и пытавшихся прикрыться простынями; одна из них была явно аборигенкой, вторая – белой.

– Не знаю никакого Роллинга! – огрызнулся блестящий от пота хозяин бунгало. – Я Абу Муджад.

– Это он, командир, – доложил Инженер. – Аукей. Звуковая карта голоса совпадает полностью.

Тарасов достал инфран, направил ствол на грудь Роллинга и нажал спусковую скобу. Сказал глухо:

– Don't worry, be happy!⁵

Роллинг вздрогнул, широко раскрывая глаза, перевел взгляд на грудь, схватился за нее руками. Еще раз вздрогнул, лицо его исказилось, и он ничком повалился на кровать. Конвульсивно дернулся несколько раз, затих.

Девицы снова завизжали.

Хан навел на них пистолет-пулемет, они умолкли.

– Контрольный выстрел не понадобится, командир?

Тарасов подошел к Роллингу, дотронулся пальцем до шеи, покачал головой.

– Он умер.

– Жаль, что слишком легко.

⁵ Не тревожься, будь счастлив (англ.).

– Уходим!

– Сидите тихо! – приказал Хан девицам по-английски.

Они выскользнули из спальни, где остался лежать остывающий труп бывшего наемника, служившего многим хозяевам. Возмездие настигло его там, где он меньше всего ждал.

Через несколько минут группа расположилась в вертолете Роллинга и вылетела за пределы территории бунгало и вулкана Халеакала, а затем высадилась на южном побережье Мауи. Еще через двадцать минут, переждав пролет спутника, группу забрал катер и доставил на борт подводной лодки, ожидавшей их вторые сутки. О миссии группы не знал даже ее капитан, получивший приказ снять с острова отряд численностью в семь человек, который выполнял какое-то секретное задание.

Буй-Тур

27—29 ноября

Он не пощадил никого...

Банда промышляла в Уфе грабежом и разбоем. Всего в ней насчитывалось девять человек, уроженцев Чечни, Таджикистана, Грузии и Украины. Управлял бандой молодой отморозок Ваню Доридзе по кличке Президент. В августе ему исполнилось двадцать шесть лет.

Во вторник третьего сентября они подстерегли ученого секретаря Академии наук Башкортостана, профессора Нургалина Зинура Амирхановича, шестидесяти шести лет, отца пятилетних детей, деда семерых внуков, в подъезде дома и напали на него, очевидно, зная, что ученый получил зарплату за три месяца и нес семье. На беду свидетелями расправы стали сестра Ирина и мать Буй-Тура, проживающие в этом же подъезде, этажом выше. Свидетели бандитам были не нужны, поэтому женщин тоже избили, жестоко и беспощадно.

Все трое: профессор, мать и Ирина скончались, не доехав до больницы. Спасти никого не удалось.

Гордей Буй-Тур, будучи подполковником Национальной гвардии,⁶ узнал о случившемся, находясь в Чечне, спустя сутки после трагедии. Ему дали пятидневный отпуск, и подполковник улетел в Уфу, чтобы похоронить близких.

По горячим следам задержать бандитов не смогли.

Их давно подозревали в подобного рода преступлениях, искали, но найти не могли. Как потом выяснилось, в милиции у них были свои покровители, прикрывающие деятельность банды. Не удовлетворенный темпами следствия, Буй-Тур позвонил в Управление гвардии в Грозном и попросил командира дать ему еще неделю отпуска. Командир не разрешил. Тогда Гордей слетал в Грозный, написал рапорт об увольнении и положил на стол командующего группировкой. И вернулся в Уфу. Считая себя свободным от воинских обязательств, он начал собственное расследование обстоятельств гибели семьи; отец, сраженный происшедшим, военный химик в отставке, слег в больницу с инфарктом и умер на третий день после похорон жены и дочери. Таким образом Гордей Миронович Буй-Тур остался один, не считая стариков-родственников, разбросанных по необъятным просторам России.

В мае этого года Гордею исполнилось тридцать шесть лет. Со своим небольшим ростом – метр семьдесят восемь – он не выглядел ни силачом, ни спортсменом, ни мастером воинских искусств. Впрочем, он таковым себя и не считал. Но защищать себя научился, обладая феноменальной для такого невидного мужчины силой и умением ориентироваться в пространстве боя. Родившись на окраине Уфы, в неблагополучном районе Нижегородка, он все детство провел среди хулиганов и шпаны, терроризирующей все местное население, и к совершеннолетию превратился в гения драки, не знающего ни одного «классического» приема, но всегда выходящего победителем из любой потасовки.

Потом была армия, служба в воздушно-десантных войсках, где из него сделали отличного бойца-профессионала, хотя адептом какой-то определенной боевой системы он так и не стал. Приемы рукопашного боя Гордей учил, но оставался все тем же *характерником*, то есть знатоком своих возможностей и прекрасным мастером их спонтанного применения.

После отбытия обязательного срока службы в армии он остался служить контрактником, перешел в Национальную гвардию и быстро поднялся по служебной лестнице от прапорщика,

⁶ Внутренние войска МВД стали Национальной гвардией в 2004 г.

командира взвода, до капитана, командира батальона. Закончил высшие курсы МВД, получил в тридцать лет звание майора... и едва не отсидел срок за «неадекватное превышение служебных обязанностей». В те времена он служил в Дагестане и перекрыл одну из троп наркотрафика, контролируемого кем-то из высших чинов МВД.

Его понизили в звании до старшего лейтенанта, но он снова поднялся и в тридцать четыре года стал подполковником Национальной гвардии. В тридцать шесть Буй-Тур уже командовал полком, расквартированным в пригороде Грозного.

Волосы у него были темные, глаза зеленоватые, нос пуговкой. А по натуре Гордей был жестким, грубоватым, прямым человеком, иногда вспыльчивым, хотя отходил быстро. Данное кому-либо обещание он выполнял непременно, любой ценой, за что был уважаем всеми, от рядового до командира бригады. По жизни он всегда испытывал потребность в справедливости, за что и попадал в разные неприятные ситуации. Однако никогда не жаловался на судьбу, любил приключения, часто шутил и упрямо шел к цели.

В силу своего характера он и дал себе обещание найти убийц сестры и мамы и покарать. Невзирая ни на что!

В конце концов Буй-Тур нашел их, всех девятерых. Но это были исполнители, а существовал еще высокопоставленный чиновник, предоставлявший бандитам «крышу», который был весьма заинтересован в сокрытии тайных контактов с криминалом. По своим каналам он быстро выяснил о Буй-Туре все и сообщил командованию Национальной гвардии о «связи подполковника с мафией».

Гордея взяли на другой день после его операции возмездия, спящим у друга на квартире. Командир башкирского ОПОНа⁷ получил приказ ликвидировать задержанного при попытке сопротивления, однако Буй-Тур не сопротивлялся и остался жив.

Его допрашивали сначала в местной прокуратуре, потом отослали в Москву по требованию Генпрокуратуры. А там, на следующее утро, пятого августа, к нему прямо в камеру в Лефортово пришли двое мужчин в штатском, один помоложе, с короткой стрижкой и шрамом на виске, второй постарше, лет под пятьдесят, седой, с удивительно прозрачными глазами. Иногда он хмурился, хотя это и не относилось к нюансам беседы. Просто он скорее всего вспоминал какие-то неприятные моменты своей работы.

– Здравствуйте, Гордей Миронович, – сказал седой глуховатым голосом. – Мы в курсе ваших злоключений, поэтому пришли побеседовать о вашей судьбе. Она повернулась к вам темной стороной, а это несправедливо.

– Спасибо за сочувствие, – иронически хмыкнул Буй-Тур. – Хотя видит бог, я в нем не нуждаюсь. Сесть не предлагаю, негде. Кто вы и с чем пожаловали?

– У нас к вам деловое предложение.

– У кого это – у нас?

– Мы из службы ППП.

– Никогда не слышал о существовании такой службы.

– Надеюсь, вы в курсе событий, происходящих в стране. поголовная коррупция, криминал полез из всех щелей во власть, беспредельщики отстреливают бизнесменов, мэров и губернаторов десятками, разгул бандитизма достиг критической точки, террористы перешли в наступление... в общем, дела неважные. Вы и сами ощутили, что такое криминальная структура, поддерживаемая чиновниками всех уровней, политиками, силовиками и правительством.

Буй-Тур глянул на визитеров исподлобья.

– Выразайтесь конкретнее, я лекций не люблю.

– Мы знаем, – без эмоций кивнул младший из гостей.

⁷ ОПОН – Отряд полиции особого назначения.

– Вас повязали не потому, что вы без суда и следствия замочили банду, – продолжал седой, – а в связи с тем, что вы осмелились пойти дальше, замахнулись на «крышу» бандитов. Ваш настоящий противник сидит в милицейских сферах, большой начальник, и добраться до него нелегко. Даже нам. А пока в милиции, полиции и Национальной гвардии будут работать подонки, обиратели и вымогатели, идиоты, карьеристы и предатели, порядка в стране не будет.

– А вы, значит, этот самый порядок наводите? ППП – это случайно не «прямое поддержание порядка»?

– Это служба профилактики и пресечения преступлений. Она создана в недрах... одной тайной организации, сведения о которой вы получите, когда согласитесь работать с нами.

– А если не соглашусь?

– Тогда вы просто забудете о нашем визите. Но вы согласитесь.

– Почему вы так уверены?

– Потому что страна требует глобальной чистки от всякой мрази, – убежденно сказал молодой, со шрамом. – Потому что только наша служба сможет это сделать. Потому, наконец, что только с нами вы сможете восстановить справедливость, найти мерзавца, торгующего человеческим горем, и покарать его.

Буй-Тур закрыл глаза, откинулся спиной на стенку камеры. Сказал после паузы:

– Ваша служба... законна?

– В рамках Конституции – нет, – улыбнулся седой. – В глобальном человеческом ведическом смысле – да.

Гордей не обратил внимания на слово «ведический».

– Допустим, я согласен. Что дальше? Как вы меня вытащите из тюрьмы? Что потом? Кто вы?

– Официально мы работаем в Управлении специальных операций ФСБ, а неофициально – на организацию, которая называется Русским национальным орденом.

Буй-Тур невольно качнул головой.

– Не слышал. И чем он занимается, ваш орден?

– О целях и задачах ордена вам расскажут позднее, но обязательно, гарантирую. Главное сегодня – ваше согласие.

– Чем я буду заниматься?

– Ликвидацией бандитов и деятелей, до которых наше правосудие не доходит. Без суда и следствия, разумеется. Точнее – без гражданского суда. Суд будет – наш!

– А вы не находите, что это жестоко? Вдруг произойдет ошибка и вы накажете не того человека?

– Мы еще ни разу не ошиблись, – пожал плечами молодой.

– Ну а если?

– Наше общество вообще жестоко, – сказал седой. – Жестоко по отношению к тысячам детей в детских домах, к беспризорникам, к старикам, инвалидам, к тем, кто оказался на дне не по своей воле. Мы сталкиваемся с жестокостью каждый день, и вы это отлично знаете. Вовсе не факт, к примеру, что подростки и молодые люди, участники групповых драк и беспорядков, – нетрезвые или «обкуренные».

– Они «волки»...

– Верно, «волки», не знающие и не пытающиеся понять законы общественной жизни и нравственности. Но кто их сделал такими? Кто провоцирует их на «стихийные протесты»?

– Телевидение...

– Не только, хотя за ним стоят конкретные люди, кому выгодно, чтобы страна все время воевала сама с собой и всего боялась. Вот от них вам и предстоит избавить общество.

– Их миллионы, – усмехнулся Буй-Тур. – А я один.

– У вас будет группа.

– Все равно.

– Таких групп у нас несколько. Одни работают за рубежом, отстаивают интересы государства, другие внутри страны. Но об этом мы еще поговорим.

Буй-Тур еще раз покачал головой, собираясь с мыслями, помял ладонями лицо.

– Вы меня озадачили...

– К сожалению, времени на размышления у вас нет, – немного мягче сказал седой. – Ваше дело хотят запустить как «образцово-показательное», наказать «по всей строгости закона», чтобы убедить общественность в «справедливости власти». Поэтому решайте сейчас.

– Уже решил. Я с вами. Как вы меня вытащите отсюда?

– Завтра вас повезут для допроса в Генпрокуратуру. По дороге вы попытаетесь бежать, и вас «убьют».

– Круто!

– Здесь подробности операции. – Молодой передал Гордею два листочка папиросной бумаги. – Прочтите и съешьте.

– Хорошо. Что еще?

– Больше у меня все, как говорил один генерал, – с улыбкой развел руками седой.

– Дальнейшие инструкции получите после освобождения, – добавил парень со шрамом. –

До встречи.

Седой протянул руку.

– Удачи, полковник.

Буй-Тур пожал сухую и жесткую ладонь гостя, затем второго, и они ушли. Звякнули засовы на двери камеры. Гордей остался один. Спыхватился, что не спросил имен вербовщиков неведомой службы ППП, потом прочитал два раза текст инструкции, разжевал листочки папиросной бумаги и проглотил. В душе поднялось волнение, которое он попытался успокоить хождением по камере и физическими упражнениями. Затем лег и уснул.

На следующий день его «убили» при попытке к бегству.

Так бывший подполковник Национальной гвардии Гордей Буй-Тур оказался в сверхсекретной службе ППП Русского ордена и получил в подчинение группу «Сокол» в количестве пяти человек. Через месяц он прошел «боевое крещение», уничтожив генерала уфимской милиции, покровительствовавшего бандитам...

Поезд замедлил ход.

Гордей открыл глаза, выглянул в окно.

Показались пригороды Нижнего Новгорода. Пора было готовиться к высадке.

В купе, кроме него, ехали двое пожилых мужчин, с увлечением обсуждавших газетные новости, и старушка с удивительно *светлым* лицом, с которого не сходила добрая полуулыбка. Она охотно участвовала в беседах мужчин, имея собственное мнение по всем вопросам, но никого, в отличие от них, не ругала и не обвиняла. Хотя более всего Буй-Туру понравилась ее готовность всем помочь и всех успокоить. У него тоже были еще живы бабушки, которые когда-то его воспитывали по очереди, и теперь он с нетерпением ждал встречи с одной из них – бабулей Аграфеной, матерью отца. Жила Аграфена Поликарповна в Нижнем Новгороде одна, похоронив мужа еще в начале девяностых годов прошлого столетия, и недавно прислала письмо, в котором просила внука заступиться перед властью. Буй-Тур не понял толком, чего хотела бабушка, но отказать ей не мог и отпросился у начальства ППП на три дня «по личным обстоятельствам». Благо ему не надо было являться на работу к определенному часу каждый день. Операции же по «лечению» чиновного люда и ликвидации бандитов обычно случались не чаще одного раза в неделю.

Попрощавшись с попутчиками, Буй-Тур вышел на привокзальную площадь и поймал частного, согласившегося отвезти его в центр города, на Большую Покровскую улицу, всего за «скромных» две сотни рубликов.

Однако на улице Большой Покровской его ждал сюрприз.

Двухэтажный деревянный дом, в котором жили четыре семьи, в том числе – Аграфена Поликарповна с двумя кошками, оказался наполовину сгоревшим. Пожар случился уже давно, судя по убранной территории, но в воздухе все еще пахло гарью. Тем не менее жители дом не покинули, только забили досками и затянули полиэтиленовой пленкой окна. Подивившись такой любви к «малой родине», Гордей нашел квартиру бабушки Аграфены и постучал в обуглившуюся снаружи, обклеенную вокруг ручки газетами дверь.

– Входи, милоч, – услышался за дверью знакомый голос.

Буй-Тур потянул дверь за ручку, переступил порог, стараясь не испачкаться. Кутаясь в шаль – в доме температура явно была намного ниже оптимальной, на дворе стоял сырой и холодный ноябрь, – на гостя смотрела хозяйка квартиры, высокая, худая, с морщинистым суровым лицом и прозрачно-голубыми глазами, в глубине которых мерцал упрямый огонек. Бабушка Аграфена всегда казалась Гордею слишком строгой и требовательной, и все же он ее любил и в детстве слушался беспрекословно.

– Гордеюшка! – узнала гостя хозяйка, протянула к нему дрожащие руки. – Приехал! Уж и не чаяла увидеть!

Буй-Тур обнял старуху, чувствуя подступивший к горлу ком.

– Я письмо получил, вот и приехал. Что тут у вас случилось?

– Это я от отчаяния написала. Холода наступают, а жить в этой халупе зимой нельзя, никто не хочет ни ремонтировать, ни в новую квартиру переселять. Да ты проходи, раздевайся, – засуетилась Аграфена Поликарповна. – У меня на кухне газ горит, там теплее. А в комнате плюс десять всего.

Гордей снял куртку, прошел в комнату, оглядел небогатое бабушкино хозяйство – все было знакомо и не менялось много лет, – кинул взгляд на фотографии в рамочках на стене. Покачал головой.

– Это я виноват. Давно надо было забрать тебя в город.

– Да я бы не поехала, Гордеюшка, – махнула рукой Аграфена Поликарповна. – Тут моя родина, тут я отца твоего родила и выходила, тут и помирать буду. Только вот хотя бы последние денечки хочется пожить в тепле и покое. Прходи, позавтракаешь, я тебе омлет сделаю царский, твой любимый.

– Не откажусь, – улыбнулся Буй-Тур.

Они прошли на крохотную кухню, и ожившая, повеселевшая старушка занялась плитой, начала пересказывать новости:

– Мы уже второй раз горим, Гордейша. Поджигают, антихристы, чтобы им пусто было, чуть не каждую неделю. Дома на улице старые, им по сто с хвостиком лет будет, но крепкие еще, столько же простоят, а кому-то в верхах очень хочется тут строительство многоэтажных гаражей развернуть, вот и выгоняют нас отсюда таким способом. Соседский дом тоже подожгли, все сараи сгорели, даже кирпичный с магазином пытались поджечь, спасибо, пожарные отстояли.

– Да глупости это все, – не поверил Гордей. – Никто в наше время не станет терроризировать население таким образом, ради новостройки, проще договориться с мэрией и выселить людей официальным путем. Дать им другие квартиры. Дешевле обойдется.

– Может, оно и так, да только слухи идут, что схватились какие-то крымальные группировки меж собой, нашу улицу не поделили, вот и поджигают дома друг другу в отместку.

– Наверное, не крымальные, а криминальные? – улыбнулся Буй-Тур.

– А один бес!

– Вы не пробовали в милицию обращаться, к властям?

– Как же, не один раз петиции писали и на прием ходили, да так ничего и не выходило. Если квартиры и дают, то у черта на куличках, в Гнилицах или в Сормове, где ни магазинов, ни

рынка поблизости не видать, а куда мне старой ездить по магазинам, по транспортам кляпать, коли я еле ползаю? Как-никак девяносто пятый годок пошел. Да что это я все о себе? Рассказывай, как живешь. Женился иль бобылем ходишь? Давненько я от тебя весточки не получала.

Буй-Тур почувствовал угрызения совести, обнял бабушку, пробормотал виновато:

– Прости неразумного, я человек военный, подневольный, служу там, куда пошлют, оглянуться по сторонам не успеваю. Но теперь обещаю приезжать чаще. Разберусь тут с вашими ЖЭКа и хозяйственными службами, уеду, конечно, но по весне обязательно навещу.

– Да я не в обиде, – мягко сказала бабушка Аграфена. – Сама была молодая, родителей не часто вспоминала. Правда, время было другое, тяжелое, послевоенное, учиться надо было и работать. Погоди-ка, помешаю, а то сгорит все.

Гордей сел за стол, любуясь суетой бабушки.

– Да и наши времена не из легких, бабуля. Без войны нас завоевали супостаты, до сих пор прийти в себя не могу, поверить, что великая Русь стала подневольной Россией. Куда ни кинь взгляд, что ни тронь – везде завоеватели у власти, нами управляют. Отсюда и все беды наши.

– Я тоже это вижу, внучек, не слепая, – пригорюнилась Аграфена Поликарповна. – Смотрю телевизор, а там все нерусские люди об устройстве русской жизни рассуждают. При коммунистах и то такого не было. А уж при царе – тем боле.

– Цари нынче другие пошли, – усмехнулся Гордей. – Президенты, премьер-министры, депутаты... и все норовят отхватить кусок пожирней, украсть или отнять. Живем, как в той песне:

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались.
А мы тоже не сидели,
Того дожидались.

Бабушка оглянулась на внука, с лукавой усмешкой погрозила ему пальцем.

– Ой, не верю я, что ты из тех, кто дожидается. Сызмальства упрямый был, упертый, как Мирон-покойник говорил, царство ему небесное. Всегда окорот хулиганам давал. Неужто изменился?

Буй-Тур засмеялся.

– Ты права, бабуля, не изменился. Терпеть ненавижу, когда врут, воруют, обижают маленьких и предают своих! Вмешиваюсь, знамо дело, за что и получаю подзатыльники. Вот недавно иду по улице, вижу, к торговой палатке машина милицейская подъезжает. Выходят двое бравых служителей порядка, что-то говорят женщине-продавщице, и она безропотно начинает набивать пакет фруктами, протягивает им. Да еще деньги сует! Представляешь? Ну, я не удержался...

– Эк, удивил, – не обратила старушка внимания на обмолвку внука. – Все знают, что милиционеры дань собирают со всех торговцев. Я их не оправдываю, но и торговцев не привечаю. У нас в Нижнем всей торговлей кавказцы заправляют, чего их жалеть? Ты где-нибудь в других городах видел, чтобы торговцы русскими были?

– Редко, – признался Гордей, жалея, что затронул эту тему.

– Вот и у нас все рынки в городе – черные заполонили. Азербайджаны, армяны, таджики и чечены... А власть берет с них мзду и ничего не делает, чтобы нас защитить.

– Ничего, все скоро изменится, – пообещал Гордей. – Найдутся люди, наведут порядок в стране. Будет и на нашей улице праздник.

Аграфена Поликарповна поставила на стол дымящуюся сковороду с омлетом.

– Ешь, вот грибочки соленые, капуста, огурчики, свое все. Летом-то я на участке живу, а зимой... Ладно, не буду жаловаться. Я так рада, что ты приехал! – Она села напротив, подперла

кулачками голову. – Скучаю я по тебе, внучек. По мамке твоей скучаю тоже, по Светочке... – В глазах старушки набухли слезы. – Так хочется на могилку к ним сходить, да уж очень далеко Уфа-то...

Буй-Тур пережил сердечную судорогу, с трудом удержался, чтобы не заплакать самому.

– Весной я заберу тебя, и мы слетаем в Уфу.

– Доживем – увидим. Где ж ты теперь служишь? Все там же, в Чечне? Письмо я тебе на старый адрес послала.

– Мне его передали в Москве. Я теперь в столице живу, а работаю в одной секретной службе.

– Военной? Али в фэсэбэ?

– Не в ФСБ, но тоже в очень серьезной и крутой, – улыбнулся он. – Наводим страх на бандитов. Доберемся и до Нижнего Новгорода.

– Хорошо бы, – покивала старушка. – Только ты на рожон-то не лезь, знаю я тебя, бедового. Ты всегда норовил прежде всех в огонь кинуться.

– Не буду кидаться, – пообещал Гордей. – Я в начальниках хожу, других вперед посылаю.

– Генерал, что ль?

– Не генерал, но полковник. – Он не стал говорить бабушке правду. Ей ни к чему было знать, что полковник он теперь липовый, хотя в ППП его так и звали – полковник. – Расскажи-ка, к кому ты ходила по поводу ремонта и переселения.

– В ЖКУ ходила, к заместителю начальника Управы района ходила, и даже в МЧС вместе с соседями обращалась. А толку никакого.

– Ничего, будет толк. Сама-то ты чего хочешь? Переехать или здесь остаться?

– Я бы здесь осталась, Гордеюшка. Соседи переезжать хотят, их дело молодое, а я старая уже по квартирам бегать.

– Вряд ли Управа согласится отремонтировать дом, – покачал головой Буй-Тур. – Развалится он скоро, стены вон снаружи все в дырках и трещинах. Придется, наверное, переезжать.

– Я понимаю, прикажут – перееду, только не на Гнилицы же, поближе бы к родным местам. Ты уж там не шуми, Гордейша, а то еще в милицию заберут.

– Не беспокойся, бабуля, все будет хорошо. Я знаю, как надо разговаривать с этими деятелями.

Позавтракав, Гордей переоделся, выяснил адреса коммунальных служб района и, успокоив бабушку еще раз, отправился выяснять истинную подоплеку пожаров.

Сначала он посетил районное ЖКУ.

К начальнику управления была очередь. Буй-Тур терпеливо простоял час, потом понял, что может потерять весь день, и зашел в приемную.

– Мне к начальнику.

– Клара Тимофеевна занята, – бросила на него недовольный взгляд смазливая белобрысая секретарша, болтавшая с кем-то по телефону. – Выйдите, не мешайте работать.

– Я по делу, – сухо сказал Буй-Тур, показал красную книжечку и без дальнейших переговоров открыл обитую коричневым дерматином дверь с табличкой: «Начальник ЖКУ № 43 Сидорович К.Т.».

Кабинет начальника управления был невелик, но довольно уютен. За столом с компьютером сидела немолодая женщина с ярко напыженными губами, в обтягивающей большую грудь белой кофте. У стола маялись два мужика в рабочих робах. Еще один посетитель – в дубленке – сидел напротив начальницы и курил. Все четверо оглянулись на вошедшего.

Брови начальницы сошлись над переносицей.

– Я занята! Кто вас пропустил?

Дверь приоткрылась, выглянула секретарша с виноватым выражением лица.

– Клара Тимофеевна, он...

– Я же сказала никого не пускать! Выйдите, гражданин! – сказала начальница ЖКУ. – Сегодня приема по личным вопросам не будет.

– У него удостоверение... – пискнула секретарша.

Начальница, собравшаяся было добавить что-то нелицеприятное, открыла и закрыла рот, окинула посетителя недобрый взглядом и, видимо, почувствовала в нем что-то необычное. Посмотрела на мужчину в дубленке.

– Найди материал и сделай к вечеру. Я проверю.

– А с пожарной сигнализацией что нам делать? – заискивающим тоном поинтересовался мужик в робе, худой и усатый.

– Отключите пока. Приедет комиссия, будет разбираться, почему она гудит. Все, идите. Мужики вышли, дверь закрылась.

– Слушаю вас, – попыталась смягчить свой тон начальница ЖКУ. – Вы по какому вопросу?

Буй-Тур подошел к столу, сел без приглашения.

– Собственно, дело простое, хотя и требует кое-каких организационных усилий. Ваше управление обслуживает улицу Большую Покровскую?

– А что? – насторожилась Клара Тимофеевна.

– Меня интересует судьба жильцов сгоревшего дома номер шестьдесят дробь один.

– Во-первых, он не сгорел...

– Он *горел!* – перебил начальницу Гордей. – И жить в нем нельзя, тем более зимой. Вы должны это понимать. Или вы собираетесь ждать, пока жильцы благополучно перемерзнут?

– Кто вы такой? – возмутилась Клара Тимофеевна. – Я сейчас вызову органы...

– Органы уже здесь, – ухмыльнулся Буй-Тур, показывая книжечку с золотым тиснением: «МВД России». – Я задал вам вопрос.

Клара Тимофеевна ошеломленно похлопала ресницами, потянувшись к телефону, и до нее наконец дошло.

– Вы... из милиции?

– Берите выше, – еще раз ухмыльнулся Буй-Тур. – Хотя это не имеет большого значения. Что вы собираетесь предпринять в связи с созданным положением?

Тон начальницы изменился.

– А что я могу? У нас в районе таких жилых домов целых семь! Четыре сгорели полностью! Все требуют сноса или капитального ремонта. Где найти средства? Город выделяет крохи. Будем, конечно, пытаться...

– Стоп! – Буй-Тур стукнул пальцем по столу. – Что значит – будем пытаться? На улице минус восемь, в квартире моей бабушки не намного выше! Если с ней что-либо случится, вы же первая под суд пойдете! Вы лично! Устраивает вас такая перспектива?

Клара Тимофеевна вдруг успокоилась.

– Это вы о Савельевой говорите, из второй квартиры? Скандальная старуха...

– Стоп! – угрюмо оборвал собеседницу Буй-Тур. – Это моя родная бабушка, и оскорблять ее не надо. Ничего лишнего она не потребует.

– Мы уже предлагали ей переехать в новый дом...

– Знаю, в Гнилицы, но к каждому жильцу надо подходить индивидуально, как требует если и не закон, то совесть. Аграфене Поликарповне перевалило за девяносто, ей будет трудно жить в неблагоустроенном районе. Если не найдете старушке жилье покачественнее, будем разбираться в другом месте. Вам это нужно?

– Вот и разбейтесь, – совсем спокойно сказала хозяйка кабинета. – Что у меня есть, то я и предлагаю. Никакой суд не придерется, что я действую неправильно. А вы не бойтесь, что вас снимут с работы после этого визита, как вас там? Кто вы по званию, лейтенант, капитан? – В голосе начальницы прорезались нотки пренебрежения.

Буй-Тур понял, что его собеседница вспомнила о своих покровителях, надеясь на их связи и защиту.

– Не капитан, – качнул он головой, – полковник. И мне нечего бояться, кроме страха. Но если я пойду *выше*, уважаемая Клара Тимофеевна, вы в этом кресле долго не задержитесь. Это я вам обещаю. – Он встал. – Мы договорились?

– Я подумаю, что можно сделать для вашей... бабушки, – проговорила начальница ЖКУ, сдерживаясь, хотя взгляд ее был красноречив: и не таких видали!

Выйдя из ЖКУ, Буй-Тур с минуту размышлял, что делать дальше, и решил продолжить свое хождение по коммунальным мукам. Над Кларой Тимофеевной Сидорович располагалась целая иерархия начальников, которые могли одним росчерком пера или просто телефонным звонком решить проблему.

Ему повезло. Зам главы районной Управы господин Веллер, отвечающий за коммунальное хозяйство района, был на месте и не рискнул отказать в приеме визитеру, представившемуся «полковником Тимошенко, сотрудником Федеральной службы расследований».

Кабинет заместителя главы Управы оказался не в пример больше и роскошнее кабинета начальницы ЖКУ. Он весь блистал стеклом, фарфором, никелем, полированным деревом и напоминал одну из комнат Эрмитажа, где Буй-Туру как-то посчастливилось побывать на экскурсии.

– Что привело столь высокого гостя в наши скромные владения? – вышел навстречу Гордею из-за роскошного стола Веллер. – Мне сказали, что вы из Москвы... э-э...

– Полковник Тимошенко, – небрежно сказал Буй-Тур, решив поменять тактику контактов с представителями местной власти. – Юлий Сергеевич. – Раскрыл и закрыл удостоверение, которое не сдал еще со времени прошлой операции; по мере надобности паспортисты ППП снабжали оперативников поддельными документами любого уровня. – Подразделение «Р».

– Присаживайтесь, пожалуйста. – Невысокий, толстый, лысоватый Веллер галантно шаркнул ножкой. – Можете снять верхнюю одежду.

Буй-Тур расстегнул куртку, подсел к столу.

Веллер сел в свое черное кожаное кресло, выжидательно посмотрел на гостя.

– Слушаю вас.

– Мы начинаем негласное расследование поджогов домов в центральном районе города, – веско проговорил Буй-Тур. – Улицы Большая Покровская, Нижегородская, Трудовая. Что вы можете сказать по этому поводу?

– А что я могу сказать? – заскучал господин Веллер, отводя взгляд. – Ничего. Поджоги действительно имеют место, но этим делом занимаются прокуратура и милиция...

– Я знаю, кто занимается этим безобразием. Меня интересует ваша точка зрения. Что происходит? Кому это выгодно, по вашему мнению?

– Откуда же мне знать? – ненатурально удивился заместитель. – Мы-то здесь при чем?

– Послушайте, господин Веллер, – нахмурился Буй-Тур. – Если вы будете со мной откровенны, возможно, я помогу вам избавиться от неприятных дознавательных процедур. Надеюсь, вы меня понимаете? В противном случае мы включим вас в список лиц, подозреваемых в коррупции. Подходит вам такой вариант?

– Н-нет, – выдавил вспотевший Веллер. – Но я в самом деле не понимаю...

– Все вы прекрасно понимаете, иначе не сидели бы в этом удобном кресле. Итак, повторяю вопрос: кому выгодно отселять людей из старых домов таким диким способом? Я, например, знаю, что жильцы еще не сгоревших домов установили круглосуточное дежурство, чтобы поджигатели не смогли подобраться к ним. Да еще и вооружились. Представляете, чем это может закончиться?

– Честное слово...

– Ну, не надо, – поморщился Буй-Тур. – Давайте обойдемся без излишнего драматизма.

- Не знаю точно... только подозреваю...
- Смелее!
- Одна из крупных строительных фирм города хочет построить там коттеджный поселок...
- Я слышал – гаражи.
- И гаражи. – Веллер вытер взмокшую лысину платком. – Но у муниципальных властей другие намерения...
- То есть у вас. А вы что хотите там строить? Супермаркет? Рынок?
- Здание мэрии...
- Вот оно что! – Буй-Тур хмыкнул, разглядывая лицо собеседника. – Значит, никак не поделите землю? Не сошлись в цене? Кто же поджигает дома? Ваши люди или «шестерки» строительной фирмы?
- Я к этому делу не имею никакого отношения! – заторопился Веллер. – Лично я занимаюсь благоустройством района и отвечаю за теплоснабжение, подачу воды и тому подобное.
- А за отселение и ремонт разве не вы отвечаете?
- Я только составляю списки... утверждает же их Любовь Егоровна Салазка... начальник Управы.
- Это интересно. Документы у вас под рукой? Давайте посмотрим, что вы собираетесь делать с жильцами аварийных домов. К примеру, дом номер шестьдесят по улице Большой Покровской. Сигнал в нашу службу поступил от них.
- Сию минуту. – Веллер нажал клавишу селектора. – Аврора Свиридовна, принесите мне папку номер тринадцать.
- Проверочную? – послышался голос секретарши.
- Рабочую, – покосился на гостя Веллер. – По Большой Покровской.
- Сейчас принесу, Герберт Эмильевич.
- Через минуту дородная секретарша Веллера принесла бювар из черной кожи, внутри которого лежала обычная папка из белого картона с номером 13.
- Может, кофе, Герберт Эмильевич?
- Да, свари, Аврора... э-э, Свиридовна. – Веллер посмотрел на гостя. – По капельке коньячку для бодрости, Юлий... э-э, Сергеевич?
- Спасибо, по капельке можно – в кофе, – разрешил Буй-Тур, руководствуясь китайской стратегией «кнута и пряника».
- Вот, нашел. – Веллер открыл папку и вытащил стопку листов. – В шестидесятом три семьи и гражданка Савельева, очень скандальная старуха, скажу я вам.
- Буй-Тур сжал зубы, чтобы не выругаться, сохраняя на лице строго-барскую мину.
- Может быть, она просто ищет справедливости?
- Слишком часто жалуется... так... дом ремонту не подлежит, – продолжал Герберт Эмильевич, – и мы предложили жильцам переселиться...
- В Гнилицы и Сормово, – закончил Буй-Тур.
- Да. Так вы знаете? – растерянно поднял на него глаза заместитель начальника Управы. – Они же отказались...
- Еще бы, – усмехнулся Гордей. – На их месте любой бы отказался. Во-первых, далеко от центра, во-вторых, районы не благоустроены, это еще когда инфраструктура обслуживания там появится, и в-третьих, транспортное сообщение с левобережьем аж никакое.
- Но у нас ведь не только они на очереди...
- Бросьте, – перебил его Буй-Тур. – Не надо мне вешать лапшу на уши, Герберт Самойлович!
- Эмильевич...
- Я все отлично понимаю. Хотите совет?

– Я весь внимание...

– Переселите жильцов втихую, туда, куда они хотят. И сразу избавитесь от всех проблем. У нас был родственник этой вашей... бабушки Савельевой, тоже сотрудник спецслужб, между прочим. Полковник Буй-Тур. У него весьма большие связи. Если вы обидите старуху...

– Я понял, – закивал Веллер. – Переселим к рынку, там у нас шестнадцатипятиэтажка скоро сдается. Всего в двух кварталах от Большой Покровской.

– Это правильно, – снисходительно кивнул Гордей, берясь за чашку с кофе. – Одной заботой у вас будет меньше.

– А остальных?

– Разберитесь и с остальными. Мы будем следить за ходом дела. У нас везде свои люди.

– Я понимаю... Но вы в случае чего...

– Можете рассчитывать, – подобрел Гордей. – Будете сотрудничать с нами, вам это зачтется. Скоро выборы в городскую Думу, и вы должны успокаивать людей, а не возбуждать.

– Я понимаю...

– Вот и отлично. А о моем визите вашему начальству знать не обязательно. Если понадобится, мы сами его известим.

– Ее... глава Управы – Любовь Егоровна...

– Само собой разумеется. Вот телефончик. – Буй-Тур протянул хозяину кабинета кусочек картона с золотой птичкой и номером телефона, без имени и фамилии. – Если у вас появится информация – позвоните мне.

Телефон был настоящий, мобильный, хотя им Гордей пользовался редко. Определить по нему настоящего владельца номера было невозможно. Однако заместителю начальника Управы знать это было не нужно.

– Конечно, конечно, Юлий... э-э, Сергеевич. – Веллер спрятал визитку.

Допив кофе, Буй-Тур пожал вялую потную руку Герберта Эмильевича и вышел, пообещав наведаться «через неделю». Он не был уверен в действенности своей «терапии», но не сомневался, что коммунальный начальник все же исполнит данное обещание и переселит бабушку Аграфену поближе к ее нынешнему жилью.

Вечером Гордей рассказал старушке историю своих вежливых бесед «с властями», и обрадованная Аграфена Поликарповна даже всплакнула, пораженная успешной попыткой внука восстановить справедливость. Уснула она нескоро.

Гордей тоже долго не ложился спать, прокручивая в памяти все свои перипетии разговоров с начальницей ЖКУ и замом главы Управы. В конце концов он согласился с собственной оценкой ситуации, что все закончится хорошо. Даже если начальница ЖКУ обратится в Управу, ей объяснят, что происходит, а ее «крыша» вряд ли захочет связываться с Управлением «Р» Федеральной службы расследований. Пусть представитель этого Управления полковник Тимошенко и не существовал в природе.

Однако на душе у Гордея так и осталась царапина: его метод восстановления справедливости был далеко не безупречен. А главное – не гарантировал стопроцентного результата.

Ничего, в случае чего я еще раз приеду, пообещал он сам себе, и уже не один, а с группой. Посмотрим тогда, чья возьмет.

Внезапно зазвонил мобильник.

«Неужели Веллер? – удивился Буй-Тур. – Что там у него стряслось?»

Но это был не заместитель начальника Управы.

– Добрый вечер, Гордей Миронович, – раздался в трубке голос главного наводчика ППП Афанасия Петровича Лапина. – Ты где?

– В Нижнем, – ответил озадаченный Буй-Тур.

– Возвращайся, есть дело.

– Что случилось?

- В общем-то, что и обычно. Трупы.
 - Конкретнее.
 - Чеченский синдром.
 - Где?
 - Волгоград, Ростов, Челябинск. Убито двадцать семь человек, в основном русские, два украинца, армянин. В общем, дело не терпит отлагательств.
 - Я давно говорил, что пора мочить этих гребаных «шахидов», житья не дают!
 - Завтра в двенадцать сбор по сигналу «Вихрь».
 - Есть.
- Связь прервалась.
- Буй-Тур выключил телефон и с грустью подумал, что побыть с бабушкой подольше и окончательно успокоить ее не удастся. Его ждала *работа*.

Федоров Кострома – Москва

1 декабря

Лев Людвигович с детства отличался упорством в достижении цели. В Московский инженерно-физический институт он поступил только с третьего раза, но все-таки добился своего, не изменив ни мечте, ни характеру. Закончив институт, он поступил в аспирантуру, хотя рано оставшаяся без мужа мать Федорова не могла реально помочь сыну деньгами, и ему пришлось учиться и одновременно зарабатывать на жизнь и платить за квартиру, которую он снимал на окраине Москвы.

В двадцать пять лет Лев Людвигович женился на студентке медицинского института, тоже иногородней, как и он сам. Но брак его неожиданно оказался настолько удачным, что вытерпел все жизненные потрясения, неудобства, отсутствие собственного жилья, денежных средств и перспектив. Единственное, с чем никак не мог смириться Лев Людвигович, это отсутствие детей. Лена по каким-то физиологическим причинам никак не могла родить, несмотря на все попытки медиков помочь супругам обзавестись ребенком. Спустя тридцать лет совместной жизни с женщиной, которую он любил, Федоров перестал мечтать о ребенке, всецело отдаваясь работе и своей выстраданной теории.

Конечно, он понимал, что добиться признания в столь консервативной среде, как академическая наука, очень трудно, если вообще возможно, однако упрямо шел вперед, экспериментировал, описывал опыты, писал статьи и книги и продолжал обивать пороги кабинетов академиков, известных ученых и чиновников, отвечающих за развитие науки в стране. Пока безуспешно. Его не пускали на академический Олимп, ибо его теория камня на камне не оставляла от фундамента признанных теорий, таких, как теория относительности или квантовая хромодинамика, хотя Лев Людвигович и не отрицал их важность и значение. Он просто отталкивался от них и шел вперед своим путем. Но главное – он мог *доказать* правильность своих расчетов не только теоретически, но и практически, так как подобрался к апробации УКС со стороны эксперимента, а не теоретических выкладок и экзерсисов. Будучи инженером с изумительным чутьем и знанием математики, Лев Людвигович сначала строил реально действующие модели – как это делал и его учитель Владимир Семенович Леонов, также мало чего добившийся на поприще признания истинности теории УКС, а уж потом объяснял их действие. Другое дело, что даже эксперименты не производили на ученых и чиновный люд должного впечатления. А на создание полномасштабных моделей антигравитационных «летающих тарелок» и ударно-ядерных реакторов на эффекте Ушеренко у Федорова не хватало денег. Он и так всю свою институтскую зарплату тратил на приобретение аппаратуры и материалов. Жили они с Леной на ее скромную зарплату детского врача-терапевта.

И тем не менее Лев Людвигович не отчаивался, будучи оптимистом по натуре, и продолжал заниматься разработкой новых устройств на базе УКС и хождением по кабинетам в надежде на то, что когда-нибудь ему встретится влиятельный и умный чиновник или олигарх, который проникнется идеей создания мощных источников энергии с почти стопроцентным КПД, не зависящих от нефти и газа, и летательных аппаратов, способных в считанные часы доставить экспедицию землян на Марс или на любую другую планету Солнечной системы.

В Костроме тех, кто бы мог помочь Федорову создать научно-экспериментальный центр, не оказалось. Не нашлось энтузиастов, готовых рискнуть состоянием, и в Брянске, на родине Лены. Белорусы могли принять инженера, но в Минске уже работал Леонов, а расширять базу

и увеличивать расходы на содержание ученых они не могли. Сам же Лев Людвигович не хотел стеснять учителя, справедливо полагая, что должен выйти из положения самостоятельно.

В принципе, он мог бы уехать за границу. Американцы предлагали ему место в Йеллоустонском научном центре, работающем на Пентагон. Но, во-первых, по условиям предлагаемого контракта Федоров не должен был покидать территорию научного городка ни под каким предлогом. Мало того, он не имел права не только посещать родину, но и писать научные статьи и публиковать их в журналах. Во-вторых, Лев Людвигович не мыслил себя без России, так как был ее патриотом не на словах, а на деле.

Встреча с Андреем Данилиным, к которому он питал искренние дружеские чувства, взбудорила Льва Людвиговича, заставила его посмотреть на мир другими глазами и преодолеть апатию, владевшую душой последние несколько дней. Снова появилось чувство уверенности в своих силах и убеждение, что он добьется-таки своего вопреки всем проискам недоброжелателей.

Вообще уже не впервые Федоров уверялся, что после встреч с бывшим инструктором по рукопашному бою у него всегда повышается настроение, уходит усталость и тоска, «растут крылья», образно говоря. И он пришел к выводу, что Данилин не просто мастер воинских искусств, но мастер жизни, прекрасный психолог, способный работать целителем, восстанавливать у людей тонус и утраченное душевное равновесие. Лев Людвигович наутро после встречи даже хотел позвонить Андрею и поблагодарить его за «лечение», но передумал. Приеду с результатами и позвоню, решил он. Надеюсь, мне удастся в конце концов свернуть горы.

В тот же день он уехал в Москву, где ему пообещали устроить встречу с одним из бизнесменов, интересующихся, по слухам, наукой, чье имя уже вошло в первую двадцатку олигархов России. Звали этого бизнесмена Иван Кежеватович Шарипов, он был одним из директоров концерна «Ямалгаз».

Приятели из числа приближенных к властным структурам не подвели.

Утром первого декабря за Федоровым к гостинице «Академическая» подъехал сверкающий лаком джип «Лексус», и Лев Людвигович впервые почувствовал себя важной персоной. Правда, ненадолго, буквально до ворот подмосковной виллы, принадлежащей Ивану Шарипову.

Он даже улыбнулся, вдруг припомнив свой визит к одному из королей российского бизнеса Олегу Дерипаксу. Ситуация повторилась даже в мелочах: у Дерипакса была точно такая же вилла – с виду, и за Федоровым он тоже прислал джип, только не «Лексус», а «Лендкрузер».

Льва Людвиговича провели через металлоискатель на входе в один из корпусов виллы, двухэтажный, из белого и бордового кирпича, с коричневой металлокерамической крышей в форме скопления конусов разных размеров, и когда он «зазвенел», велели открыть портфель. Пришлось показать охране «демонстрационный набор» и заверить, что к бомбе предметы в портфеле не имеют никакого отношения, и что он не камикадзе. Однако пропустили его в здание только после того, как портфель обнюхала собака – на предмет наличия взрывчатых веществ.

Владелец виллы Иван Кежеватович Шарипов ждал гостя в огромном холле, в котором он устроил самый настоящий японский сад камней.

– Точная копия сада Рёандзи, – сказал Шарипов, оценив взгляд гостя; подошел, пожал руку. – На меня он производит изумительный успокаивающий эффект. Не удержался, сделал себе такой же.

Федоров бывал в Японии и видел сад камней храма Рёандзи в Киото. Зрелище действительно впечатляло. Одни созерцатели видели в скоплении камней образы тигрицы с маленькими тигрятами, другие – горы, окутанные облаками, третьи – китайский иероглиф сердца на фоне моря, сам же Лев Людвигович представлял сад в виде полевых взаимодействий квантонов – мельчайших «кирпичиков» пространства, заполняющих, точнее, образующих вакуум.

Некоторые группы камней почти идеально соответствовали наглядным изображениям поляризации и деформации вакуума, ответственным за электромагнитные и гравитационные свойства Вселенной.

– Я гляжу, вас заинтересовало мое невинное увлечение? – улыбнулся Шарипов.

– Как иллюстрация моих идей, – очнулся Лев Людвигович.

– На композицию лучше всего смотреть именно с той точки, где вы сейчас стоите. А вообще по словам ученых, анализирующих влияние таких садов на психику человека, пространство между камнями образует как бы ствол дерева с ветвями, что подсознательно улавливает человек. При созерцании этого «дерева» человек расслабляется, отдыхает.

Шарипов бросил задумчивый взгляд на свой сад, повел рукой.

– Пойдемте наверх, в гостиную. Не хотите оставить портфель здесь?

– Нет, он мне понадобится для беседы, – сказал Федоров.

– Как пожелаете.

Хозяин повел гостя на второй этаж виллы.

Был он молод, высок, строен, черноволос, хотя в резковатых чертах лица проглядывали славянские «мотивы»: нос луковкой, широкие скулы, серые глаза.

Гостиная Льва Людвиговича привела в состояние ступора. Ее интерьер был выполнен в стиле «ню-мобайл», и разобраться в переплетениях и пересечениях труб, крученых решеток, лент, стоек и плоскостей было трудно. Казалось, вся комната представляет собой гротескно увеличенную кристаллическую решетку какого-то минерала, едва оставляющую место для небольшого стеклянного столика, дивана и пары кресел.

– Присаживайтесь, – кивнул Шарипов на одно из бесформенных с виду зеленоватых кресел. – Шампанское, вино, ром, коньяк?

– Сок, – ответил Федоров, осторожно устраиваясь в кресле. – Вишневый, если можно.

Тотчас же одна из «молекулярных панелей» интерьера отошла в сторону, и молодой человек в белом костюме вкатил в гостиную столик с напитками. Налил гостю в широкий фужер вишневого сока, бесшумно исчез.

– Слушаю вас, – проговорил Шарипов, изучая лицо инженера. – Я навел о вас справки, Лев Людвигович, на всякий случай, вы уж не обижайтесь. Все говорят о вас как о человеке дела.

– Понимаю, – кивнул Федоров. – Шарлатанов вокруг масса, и у всех «гениальные» идеи, требующие вложения больших сумм денег.

По губам директора «Ямалгаза» скользнула улыбка.

– Рад, что вы понимаете ситуацию. Говорят, вы недавно посещали Америку.

– Да, в составе научной делегации, на симпозиуме по проблемам высшего образования.

– Какое отношение вы имеете к образованию?

– Я читаю лекции в МИФИ по основам торсионной механики.

– И что же вы привезли из Америки?

Лев Людвигович скривил губы.

– Убеждение, что уровень русской школы преподавания, особенно в области математики и физики, намного выше американского и западноевропейского.

– Никто в этом не сомневается, – улыбнулся в ответ Шарипов. – Я иногда заседаю в ученом совете при президенте и знаю проблему. Кстати, как вы относитесь к очередной попытке реформаторов от науки ввести некий «стандарт знаний»?

– Отрицательно! – качнул головой Федоров. – Обсуждаемый проект предусматривает беспрецедентное снижение уровня образования в стране! Я абсолютно согласен с академиком Арнольдом: вслед за неизбежным снижением интеллектуального уровня населения реализация этого плана повлечет за собой и снижение индустриального и оборонного уровней. «Реформаторов» надо не просто остановить и лишить всех постов, их надо посадить за решетку!

Шарипов засмеялся.

– Не слишком ли вы драматизируете ситуацию?

– Нисколько! Франция увеличила затраты на науку и образование с пяти процентов национального валового дохода до семи, а мы, наоборот, снизили в десять раз! Куда же дальше? «Реформаторы» как раз и хотят добиться очередного снижения расходов, хотя суть их «благих намерений» в другом: их планы сводятся к снижению нашего образовательного уровня до американских стандартов. Я был в Калифорнии и встречался с членами комитета по подготовке студентов и школьников, возглавляемого известным физиком Гленом Сиборгом, так вот этот комитет стал требовать от абитуриентов при поступлении в вузы следующего стандарта знаний: поступающие должны уметь делить число сто одиннадцать на три без помощи компьютера.

Шарипов с недоверием посмотрел на гостя.

– Вы серьезно?

– Более чем, – кивнул Лев Людвигович. – Но и этот уровень для американских школьников оказался непосильным, поэтому вашингтонские федеральные власти потребовали отменить эти «антиконституционные и расистские» стандарты. Есть примеры и похлеще. По статистике Американского математического общества, в нынешних Штатах разделить число «одиннадцать вторых» на число «одна четвертая» могут от силы два процента школьных учителей математики. Представляете? И вот теперь нам предлагают стать такими же «образованными», как американцы! Впрочем, и европейцы недалеко ушли от этого уровня. Один студент-математик четвертого курса Второго парижского университета спросил меня на экзамене по теории динамических систем: «Скажите, пожалуйста, дробь четыре седьмых больше или меньше единицы?»

Иван Кежеватович снова засмеялся.

– Не может быть!

– Может, к сожалению. Так что я готов подписаться под любым письмом президенту, чтобы образумить наших мракобесов из Минобробразования. Это не что иное, как диверсия, попытка направить Россию по пути уничтожения образования, науки и культуры. Принятие idiotских «стандартов» нанесет огромный ущерб государству. Наверное, даже больший, чем «утечка мозгов» за границу.

– Да, это в нынешние времена тоже большая проблема. Хотя мы пытаемся ее решить.

– Каким образом?

– Летом я у себя в Ямало-Ненецком округе выдал наиболее одаренным выпускникам школ вместе с аттестатами еще и специальные сертификаты. Те из них, кто останется в округе, а не уедет за рубеж, через пять лет получают по две тысячи долларов.

– Я слышал о подобном эксперименте в Нижнем Новгороде. – Лев Людвигович с интересом посмотрел на собеседника. – Но не очень верю, что идея работает.

– Тем не менее что-то в этом направлении делать надо, раз государство ничего делать не желает.

– Согласен.

– А вы, оказывается, патриот России, – сказал Шарипов с некоторым удивлением.

– Это плохо?

– Почему же плохо, это хорошо. Слава богу, в этом плане в стране начали появляться носители национальной идеи. По крови я наполовину мордвин, наполовину украинец, но по духу – русский, так что хорошо понимаю ваши чувства. Но к делу. О чем вы хотели поговорить со мной?

– О будущем.

Шарипов с сомнением приподнял бровь.

– О моем? Или о вашем?

– О будущем всего человечества.

– Тогда вы обратились не по адресу. Хотя если это шутка...

– Я редко шучу на деловых встречах. Здесь – расчеты и описание проектов. – Лев Людвигович достал из портфеля красную папку. – Не хотите взглянуть?

– Расчеты чего?

– Расчеты У-реактора с практическим выходом энергии до тысячи мегаватт и летательного аппарата на базе УКС.

– Что такое УКС?

– Теория упругой квантованной среды, разработанная моим учителем Владимиром Семеновичем Леоновым.

Шарипов снова шевельнул бровью, но папку взял. Открыв, начал рассматривать схемы и рисунки, нашел текст.

– Читайте только резюме, – посоветовал Федоров. – Этого пока достаточно. Я тоже навел о вас справки, прежде чем идти к вам на прием, и мне понравился ваш деловой подход. Если вы рискнете вложить в эти проекты не такие уж и большие средства, отдача будет во сто крат больше. Это я вам гарантирую. У-реакторы могут быть какой угодно мощности и размеров. Их можно ставить хоть на автомобили, хоть на корабли, хоть на самолеты. А моя «летающая тарелка» способна долететь до Марса за сорок два часа.

Шарипов дочитал пояснительную записку, вскинул на гостя глаза, в которых сквозь сомнения и колебания просверкивал огонек заинтересованности.

– Вы серьезно предлагаете мне вложить капиталы в эти проекты?

– Абсолютно, – кивнул Лев Людвигович. – Для начала хватит ста тысяч «зеленых» – для создания лаборатории и проведения полномасштабных экспериментов. Хотя я спокойно приму любое ваше решение. Отфутболивали меня много раз и на разных уровнях, так что я уже привык. Тем не менее хотел бы, чтобы ко мне не относились как к сумасшедшему.

– Это будет нелегко, – улыбнулся Иван Кежеватович. – Особенно после заявления о полете на Марс за сорок часов.

– Сорок два часа – не предел, этот срок просто отражает нынешнее состояние техники и материаловедения. В будущем длительность полета можно будет сократить вдвое.

– Тем более.

– Я понимаю, – усмехнулся Лев Людвигович. – Наверняка вам уже приходилось сталкиваться с разного рода фанатиками и псевдоучеными, обещающими грандиозную прибыль. Теоретическую. Я же – практик. У-реактор в действии я вам показать не могу, первая модель сейчас находится в Минске, а вторую я недоделал из-за отсутствия финансирования. Но модель «летающей тарелки» могу продемонстрировать.

– Она у вас с собой?

– Естественно. – Лев Людвигович вытащил из портфеля коробку из-под электроутюга. – Это уже второй образец. Первый я подарил генеральному директору концерна «Энергия». Все надеялся, что его заинтересует мой проект.

– Не заинтересовал?

– Увы. Ракетные технологии для наших космофирм гораздо привычнее и надежнее, да и поддерживаются на государственном уровне. Мои технологии для ракетчиков – темный лес, а конкурентов они не любят.

– Конкурентов никто не любит.

Лев Людвигович открыл коробку и достал оттуда обычную детскую юлу, только без центрального стержня.

– Вот мое творение.

– Юла?!

– Энлоид – летательный аппарат на базе сферической деформации вакуумного поля. Внутри – гироскоп, батарейка «Крона», чип и устройство возбуждения поперечных квантовых осцилляций. То есть, по сути, генератор гравитации. Очень маломощный, конечно.

– И это – летает?

Вместо ответа Лев Людвигович установил юлу на специальной подставке с конической выемкой, вытащил из портфеля пульт дистанционного управления и нажал кнопку включения аппарата.

Тонко свистнул гироскоп, разгоняясь до нужной скорости.

Подождав минуту, Лев Людвигович нажал другую кнопку.

Генератор изменил вакуумную плотность над юлой, и она вспорхнула в воздух как пушинка, словно внезапно потеряла вес. Поднялась к потолку гостиной, где сходились косые решетки и плоскости, образуя своеобразный шатер.

Лев Людвигович слегка уменьшил скорость вращения гироскопа, и юла начала плавать в воздухе, стучаясь иногда о металлические детали интерьера.

– Неплохой фокус, – хмыкнул Шарипов.

– Это не фокус, – возразил Федоров. – Конечно, в модели нельзя реализовать полную антигравитацию, для этого нужны другие мощности и сдвоенные торсионы, однако принцип тот же. Генератор изменяет квантовую плотность вакуумного поля, возникает градиент силы, и объект начинает двигаться в сторону отрицательного градиента. В пояснительной записке есть схема...

– Я видел. Значит, вы утверждаете, что открыли антигравитацию?

– Антигравитация – иллюзия, я создал летательный аппарат, использующий базовые эффекты УКС – деформацию и поляризацию вакуума. Но выглядит энлоид как описанный сотни раз в фантастических романах антиграв.

– Как долго он будет летать? – полюбопытствовал Шарипов, наблюдая за эволюциями юлы.

– Пока не кончится заряд батареек. В этой модели я не стал монтировать управляющий контур, для демонстрации эффекта достаточно и просто подъема, но в принципе нет никаких препятствий для создания управляемого аппарата. У себя в деревне я строю «тарелку», способную поднять человека. Скоро она полетит.

– На какую высоту?

– На любую. Хоть за пределы атмосферы.

Иван Кежеватович покачал головой, налил себе соку.

– Неужели наши вояки отказались от этой штуки? Ведь антигравитационные двигатели – мечта всех транспортников, это переворот в технике, тем более – военной. Если только и в самом деле – не фокус.

– Можете не сомневаться. Хотя военных можно понять: с фантазией у них всегда были проблемы, а рисковать креслом не хочет ни один генерал.

– Идиотизм!

– Полностью с вами согласен. – Лев Людвигович выключил игрушку, юла тихо спланировала на пол. Он упаковал ее в коробку, выжидательно посмотрел на директора «Ямалгаза». – Вас это не заинтересовало?

– Как раз наоборот, – не согласился Шарипов. – Это революция в технике, колоссальный прорыв...

– И вы будете первым, кто оседлает этого коня.

– Допустим, я рискну... – Иван Кежеватович почесал горбинку носа, оттянул губу. – С чего начать? Меня же могут запросто придавить коллеги по бизнесу, получающие прибыль с продажи традиционных энергоносителей...

– Это уже детали.

– Для вас, может быть, и детали, для меня – вопрос безопасности, – слабо улыбнулся Иван Кежеватович. – Пожалуй, начну я с поддержки на правительственном уровне, позвоню Лойману...

– Кто это?

– Замминистра энергетики. Потом встречусь с... ладно, не буду вас больше задерживать. – Шарипов встал. – Это мои проблемы. – Он достал мобильный телефон, набрал номер, подождал ответа. – Куда он подевался, хотел бы я знать?

– Кто?

– Борис Абрамович... – Шарипов поймал взгляд гостя, добавил: – Я имею в виду Лоймана. – Позвал: – Саша, зайди.

В гостиной объявился давешний молодой человек в белом.

– Найди мне Бориса Абрамовича.

– Слушаюсь, Иван Кежеватович.

Шарипов кивнул на портфель Федорова:

– Вы оставите ваши доказательства?

– Конечно, у меня есть несколько копий на дискетах и комплект записки.

– А юлу... э-э, то есть энлоид?

Лев Людвигович посмотрел на коробку с моделью «летающей тарелки», поколебался немного, потом махнул рукой.

– Пусть остается. Но через пару дней я ее заберу.

– Двух дней мне будет достаточно для консультаций. Просто мне хочется произвести впечатление на господ чиновников. Как она управляется?

Федоров показал собеседнику нужные кнопки на пульте управления, и Шарипов проводил гостя к выходу.

– Куда вас отвезти, Лев Людвигович?

– Обрато к гостинице, если вас не затруднит.

– Ответ я вам дам завтра после обеда.

– Спасибо, буду ждать.

Охранники усадили инженера в джип, и он уехал.

Шарипов проводил машину задумчивым взглядом, передернул плечами – на улице было довольно холодно – и вернулся в здание. Несколько минут забавлялся новой игрушкой, запуская юлу. Пробормотал:

– Чем черт не шутит? Вдруг это и в самом деле великое открытие? Почему бы не стать первым, кто начнет его эксплуатировать?..

Зазвонил мобильный телефон.

– Слушаю, – поднес трубку к уху Шарипов.

– Ты меня искал, Иван?

Это был Лойман.

– Появилась интересная идея, Борис Абрамович. У меня только что побывал один творческий чудако, оставил проект и действующую модель летательного аппарата. Не хочешь взглянуть?

– Кто был?

– Лев Людвигович Федоров, инженер, кандидат технических наук, слышал о таком?

– Еще бы, он нам все пороги пооббивал, пытаюсь доказать, что он гений, и требуя открыть финансирование для создания холодно-ядерного реактора нового поколения.

– А мне он показался вполне адекватным человеком.

– Наплюй и забудь! Это псих.

– Значит, не приедешь?

– У меня нет времени заниматься псевдонаучной галиматъей. И тебе не советую. Не суй нос в это дело, прищемят. Все, пока, я на совещании в главке, времени нет. Забегай как-нибудь, побеседуем.

В трубке засвиристели сигналы отбоя.

Шарипов выключил телефон, полюбовался плавающей по комнате юлой, покачал головой.

– Что-то ты больно категоричен, Абрамыч. Да и проговорился, напомнив о чьих-то интересах. Как еще понимать твое: «не суй нос в это дело, прищемят»? Выходит, дело-то существует? Иначе за что будут мне нос прищемлять? Нет, тут разобраться надо. Уж не хочешь ли ты сам снять сливки, начав раскрутку проекта? Или наоборот – закрыть его наглухо...

Иван Кежеватович походил по гостиной, поглядывая на шелестящую гироскопом юлу, и снова взялся за телефон.

Мон-Сен-Мишель

2 декабря

Маленький островок Мон-Сен-Мишель у юго-западного побережья Нормандии известен паломникам и путешественникам более тысячи лет. Много столетий назад он был частью материка и во времена древних римлян назывался Могильной горой – кельты использовали его как место захоронения предков. Друиды поклонялись здесь солнцу.

В пятом веке земля осела, а еще через сто лет гора стала островом. Во время прилива море полностью отрезало его от материка. Затем остров привлек внимание монахов, которые построили там маленькую часовню. Острову дали новое имя – Мон-Сен-Мишель, что означает – гора Св. Михаила. По преданию, явившийся во сне основателю часовни епископу Обберу Авраншскому архангел Михаил указал источник пресной воды и велел воздвигнуть часовню. В девятьсот шестьдесят шестом году на этом месте был построен бенедиктинский монастырь. Возведение монастырской церкви, и поныне венчающей вершину скалы, было начато в тысяча двадцатом году, а достроено в пятнадцатом веке. Еще одно чудо архитектуры – готический монастырь Ла-Мервей был построен на северной стороне острова к тысяча двести двадцать восьмому году. В нынешние времена, после всех достроек и реставраций, Мон-Сен-Мишель является одной из основных туристических достопримечательностей Франции, наравне с Парижем и Версалем.

В тысяча четыреста шестьдесят девятом году король Людовик XI основал орден рыцарей Св. Михаила, и один из залов Ла-Мервея, разделенный на четыре части рядами каменных колонн, стал залом заседаний ордена.

Над островом и монастырем пронесли пять столетий, изменился мир, изменились мораль и власть, наука и техника достигли небывалых высот, а в зале по-прежнему продолжались – сначала явно, потом тайно – заседания ордена Св. Михаила.

В двадцатом веке мистерии заседаний претерпели трансформацию, да и сам он изменился, подчиненный СТО – Союзу тайных орденов мира. К началу двадцать первого столетия его деятельность была уже так засекречена, что ни рядовые монахи, ни духовенство Ла-Мервея не знали ничего об истинном положении вещей. О том, что на территории Мон-Сен-Мишеля существует прекрасно оснащенный всеми чудесами техники эзотерический центр СТО – Синедрион, управляемый жрецами, так называемыми *бессмертными*, не догадывался даже управделами монастыря, отвечающий за его охрану.

Сначала Синедрион располагался в Египте, затем в Византии, перебазировался в Швейцарский Базель, но в конце девяностых годов двадцатого века был перенесен в Ла-Мервей. К этому времени на территории монастыря, точнее – в его недрах, был оборудован суперсовременный компьютерный центр, куда начали стекаться потоки информации о деятельности всех тайных орденов Земли.

Первым Великим Отцом СТО стал испанский архиепископ Маруцци, однако не преуспел на этом поприще, открыто выступив против «засилья» в Совете СТО американских пастырей. Его место занял датский епископ Акум III, молодой, жестокий, амбициозный, дерзнувший заявить о своих претензиях на *власть*. В две тысячи втором году он был посвящен в главные тайны СТО и стал *бессмертным*. Спустя еще два года его допустили до личного контакта с руководителем Криптосистемы, осуществляющей надгосударственную концептуальную власть на Земле. Система эта именовалась Геократором. Направлял деятельность Геократора жрец

Тивел, носящий сан Кондуктора Социума. Сколько ему исполнилось лет, не знал никто. Акум подозревал, что не менее двухсот.

Обитал Кондуктор Социума в Мировом центре Геократора, располагающемся в американском штате Аризона, в Долине памятников. Хотя никто из коренных жителей штата об этом не знал и не догадывался. Те, кто случайно становился свидетелями появления «неопознанных летающих объектов» – Геократор пользовался *принципиально* другой техникой – или удивительных «явлений природы», как правило, теряли память или вообще исчезали.

Акум дважды посещал центр управления Геократором и каждый раз восхищался его совершенной системой защиты и маскировки. Ни издали, ни вблизи, ни с высоты птичьего полета или со спутниковых орбит распознать центр в одном из гигантских каменных останцов Долины памятников было невозможно. Впрочем, и система защиты Синедриона была достаточно мощной, чтобы не допускать утечек информации о его существовании. Однако все же жрецы Геократора имели больше возможностей, чем *бессмертные*, и главу СТО это задевало.

Первое декабря началось для него с плохих новостей от агентов влияния, внедренных практически во все правительства мира. Наметилось некое *движение*, мешающее Союзу проводить свою политику, проявляющееся в участившихся провалах агентов и исчезновении некоторых наиболее ценных и активных исполнителей.

Рабочий кабинет аббата Ла-Мервея – официально – и главы СТО – неофициально – располагался в недрах монастыря, рядом с компьютерным центром Союза. По сути, это была комфортабельная «келья», в которой можно было работать и жить, не вылезая на божий свет. Рядовым монахам Ла-Мервея кабинет аббата был недоступен. На этот уровень допускались лишь маршалы и генералы орденов, если Акуму требовалось их личное присутствие, а также охранники и слуги. Плюс работники компьютерного центра Синедриона. Их насчитывалось всего шесть человек. Это были наиболее одаренные специалисты в области компьютерных технологий, отобранные кадровиками СТО и проверенные на молчание. Через них проходили все информационные потоки, объединяющие ордена, секты, научные центры и военные базы, подконтрольные Синедриону. Они могли вскрыть любые засекреченные и защищенные сети и знали столько, что их приходилось охранять как самого владыку СТО. Один из них серьезно заболел, что тоже не повышало настроения Великого Отца, так как теперь он был вынужден искать замену компьютерщику, получившему инсульт.

Ознакомившись с перечнем первоочередных задач, которые надо было решить лично главе Синедриона, Акум вызвал своего ближайшего помощника и агента по особым поручениям Джеральда Махаевски, магистра ордена Раздела, пользующегося большим авторитетом среди руководителей европейских масонских лож.

Махаевски появился в кабинете Акума через пять минут. Он не имел личной «кельи», как его господин, так как резиденция ордена Раздела располагалась в Базеле, но большую часть времени магистр проводил в Мон-Сен-Мишеле.

Это был тридцатилетний американец, закончивший Московский государственный университет, а также Лондонский богословский институт и ставший профессором богословия. Кроме того, он всерьез занимался боевыми искусствами и овладел третьим «кольцом силы» древней боевой школы друидов «черная завеса». Эта школа славилась жестокостью приемов, а ее адепты превосходили по мастерству широко известных монахов Шаолиня и других боевых эзотерических систем. На равных с ними могли сражаться лишь последователи гиперборейских боевых практик «жива» и «потоп», передаваемых из поколения в поколение славянскими *правниками* – витязями и волхвами. При всех своих достоинствах Джеральд Махаевски не выглядел атлетом, но Акум видел его в деле и знал, на что способен его помощник.

Волосы Махаевски носил до плеч, бледное равнодушное лицо тщательно брил и больше походил на учителя истории, нежели на монаха или мастера боевых искусств. Желтоватые глаза его оживлялись редко, да и то лишь в моменты принятия какого-либо важного решения или

во время получения сексуального удовольствия. Вывести магистра из равновесия было практически невозможно. По сути, он являл собой достойного кандидата на пост Великого Отца и мог заменить Акума по многим вопросам. Что, с одной стороны, радовало владыку Синедриона, с другой – заставляло держать магистра на дистанции.

Одевался Махаевски подчеркнуто щегольски, «от кутюр», покупая костюмы известных во всем мире модельеров. Некоторые из его приобретений стоили немалых денег, так как изготавливались эксклюзивно, чуть ли не в единственном экземпляре, но Джеральд Махаевски мог позволить себе невинное развлечение и жил и одевался так, как хотел. По вызову Великого Отца СТО он явился в темно-коричневом, в желтоватую полоску, костюме фирмы Альцгеймера. Такие костюмы носили только три человека в мире: премьер-министр Великобритании, президент России и сам мастер Альцгеймер. Джеральд Махаевски был четвертым обладателем престижной модели, цена которой зашкаливала за шестьдесят тысяч долларов. Однако мало кто знал, что основную долю стоимости костюма составлял особый материал подкладки, представляющий собой процессор компьютера. По сути, этот костюм был «распределенной» компьютерной системой, позволяющей владельцу в считанные секунды решать задачи связи с любым абонентом в любой точке земного шара, входить в Интернет и локальные компьютерные сети спецслужб, получать почтовые сообщения, анализировать политические и экономические новости, обходиться без переводчика при беседах с людьми на любом языке, управлять своими помощниками.

Акум знал об особенностях носимых Махаевски одежд, но сам предпочитал одеваться скромнее. Компьютеризированные пиджаки, фраки, штаны и свитера он не любил, хотя понимал, что за ними будущее. Техника уверенно шагала по пути создания «компьютерного человека», живущего виртуальной жизнью.

– Слушаю вас, лорд, – склонил голову магистр, переступив порог кабинета аббата.

– У нас проблемы, – сказал глава СТО, жестом приглашая помощника сесть.

– Все наши проблемы решаемы, – бесстрастно отозвался Махаевски.

– Надеюсь, что так. Вам придется вплотную заняться Россией.

– Разве наши люди в России не справляются со своими обязанностями? Маршал Буркин докладывает, что у них все в порядке.

– Уже не в порядке. Буркин не справляется со своей миссией контролера. Маршал Меллон предпочитает европейский климат и безвылазно сидит в Копенгагене. Маршал Российского ордена Власти Етанов докладывает, что все идет нормально, что во всех эшелонах властных структур сидят наши агенты, что наука и культура управляются нашими эмиссарами, а интегральный анализ показывает, что в России появилась неподконтрольная нам *сила*. Вы в курсе?

– Самая неконтролируемая *сила* в любом государстве – это его народ, – хладнокровно проговорил Махаевски. – Россия не исключение. Именно русский народ и порождает пассионарность, как обозначил это явление их ученый и наш ставленник Лев Гумилев. То есть – непокорность и непринятие иных ценностных ориентиров. Но мы работаем над этим...

– Я имел в виду другое явление. Наметилась некая негативная *тенденция* сопротивления нашей деятельности. Властные структуры России действительно подчиняются нам, но в ее социальных недрах родился слой носителей национальной идеи, достигший, судя по результатам, качества самовыражения.

– Русские до сих пор руководствовались нашей идеей, подsunутой им с подачи наших агентов влияния – получение материальных благ вне сферы созидания.

– Это хорошая идея, но в России она работает плохо. Мне кажется, наряду с реанимированием древних языческих традиций в России предпринята попытка перехвата управления. Есть у вас информация в этой области?

Джеральд Махаевски на мгновение задумался. Лицо его при этом осталось абсолютно равнодушным. Ничего нельзя было прочесть на этом лице, и даже глаза магистра, подернутые флером легкого безумия, не выдавали его мыслей и настроения. Акуму захотелось причинить собеседнику сильную боль, чтобы тот наконец проявил хоть какие-нибудь эмоции.

– Последняя отчаянная попытка перехвата управления была предпринята в России в начале пятидесятых годов прошлого века, – сказал наконец Махаевски. – Остальные не в счет. Управляли процессом наши люди. Приоритеты те же – методология, хронология, идеология, все они находятся под нашим контролем.

– Уже не все. Под второй приоритет давно копают объявившиеся в России аналитики и реаниматоры истории.

– Вы имеете в виду Фоменко, Носовского, Бузгинова, писателей Демина и Асова, историков Платонова и Леонова? По-моему, наши агенты успешно манипулируют общественным мнением, вымазав этих деятелей дерьмом, доказав, что они создают заказные исторические мифы. В то время как...

– В то время как все обстоит наоборот. Ну, это не наша заслуга, а наших предшественников. Вам предстоит усилить колонну агентов влияния в России. Для борьбы с новой *силой* нужны другие раскрученные имена.

– Солженицын...

– Солженицын, Лихачев, Волкогонов, Гумилев, Зюганов уходят в прошлое, как ушли Маркс, Троцкий, Ленин и Сахаров. Нужны такие люди, как Александр Мень, Виссарион, Кураев, хорошо зарекомендовавшие себя в навязывании религиозных «истин», подменяющих откровения божьи.

– Наши люди работают и в этом направлении. Мы создали вокруг России и внутри ее второй Террористический интернационал...

– Этого мало. Национальное самосознание русских не приемлет диктата, поэтому террор не пройдет. Нужны другие методы, более тонкие. Для того чтобы дискредитировать какое-либо общественное движение, его надо возглавить. Именно таким образом были перехвачены линии управления наукой и культурой. Хотя и этот метод не дает стопроцентного результата. Всегда находится гений-самоучка, который начинает ниспровергать столпы и колебать устои. Вы знаете, что в России появились ученые, непростительно близко подобравшиеся к истинному устройству Мироздания?

– Вы имеете в виду академика Леонова? Он под контролем.

– Я имею в виду его ученика Федорова. Этот изобретатель вышел на одного из молодых олигархов, трудно поддающихся разумным доводам, с предложением создать летательный аппарат на основе эффектов теории упругой квантованной среды и снабдить его реактором на принципе, открытом еще одним русским ученым...

– Ушеренко.

– Вы знаете?

По губам магистра скользнула едва заметная улыбка.

– Все под контролем, владыка.

Акум пережил приступ раздражения, тщательно скрытый от посторонних глаз. Ему еще ни разу не удалось поймать помощника на незнании предмета, уязвить его, заставить оправдываться. Но очень хотелось.

– Что ж, держите руку на пульсе, магистр. Русские не должны получить доступ к технологиям, открывающим прямой выход в космос и сберегающим экологию. Прорыв надо немедленно нейтрализовать.

– Будет сделано, лорд.

– А теперь о том, чего вы не знаете. *Сила*, мешающая нам полностью перехватить управление Россией, называется Русский национальный орден. Это секретная организация, не

контролируемая государством, глубоко законспирированная, имеющая своих покровителей в военных кругах и отличных исполнителей. Основа ордена...

– Славянские, ведические, языческие национальные общины и союзы, казачество и хранители древней веры.

Акум встретил иронично блеснувший взгляд магистра и содрогнулся. Сведения, которые он получил от Кондуктора Социума, были достаточно целевыми, секретными, не доступными никому из генералов орденов и даже Высшим Посвященным. Но Махаевски откуда-то имел о них представление. Вспомнился универсальный принцип управления, используемый жрецами Геократора: разделяй и властвуй! Вполне возможно, что Кондуктор Социума применял этот принцип и в отношениях с членами СТО, приближая одних и держа на дистанции других, а то и срамливая их между собой.

– Я займусь Русским орденом, лорд, – добавил магистр, почуяв сдерживаемое неудовольствие аббата. – Воевать с ним на шестом приоритете не стоит, мы справимся с ним изнутри, на третьем или на втором уровне⁸ средств управления.

– Конкретнее.

– Мы срамливаем меж собой лидеров ордена, вечевой службы Рода и государственной власти. Это первая фаза перехвата управления. Вторая фаза: утверждение своих ставленников на руководящие места. Третья: изменение идеологии, а потом полный разворот системы в противоположную сторону. Точнее – в нужную нам сторону. Это проверено веками, лорд.

– Недурно, – усмехнулся Акум. – Я хотел то же самое предложить вам, а вы и сами все знаете. Что ж, свяжитесь с маршалом Етановым и задействуйте его профессионалов. У маршала есть неплохие наработки в данной области использования человеческого материала. Однако перехват управления дело долгое, а утечка информации может произойти в любой момент. Начните с ликвидации возможных источников утечки и с дискредитации идей этих русских гениев. Человеческому стаду еще рано думать о звездах, еще не все непокорные обращены в лоно нашей веры.

– Слушаюсь, лорд. Считайте, что так называемый Русский национальный орден уже вошел в наш Союз. Но я знаю, что он подчиняется высшим иерархам национальной русской элиты – волхвам. Разрешите внедрить агентов влияния в их систему?

– Волхвы – не ваш уровень, магистр. С ними впрямую не рискуют связываться даже наши покровители.

– Я бы рискнул.

– Не берите на себя... – Акум замолчал, вдруг подумав, что если магистр сломает на войне с волхвами шею, то это решит многие проблемы. – Впрочем, почему бы и не попытаться? Я подумаю над вашим предложением. А пока займитесь этим регионом вплотную. Вы хорошо знаете русский язык?

– Я пять лет учился в Москве.

– Ах, да, я забыл. Что ж, ступайте. Жду вас с планом действий.

Джеральд Махаевски склонил голову и бесшумно покинул кабинет-келью Великого Отца Союза тайных орденов.

Акум проводил его темным взглядом, посмотрел на часы. В Аризоне, где находилась резиденция Кондуктора Социума, еще была ночь, но дело не терпело отлагательств. Глава СТО тронул клавишу с цифрой 1 на клавиатуре компьютера. Заработала спутниковая система связи. Через полминуты на экране монитора проявился красный паучок – символ защиты канала, и на хозяина кельи глянул жрец Тивел, Кондуктор Социума, колдун и маг, осуществляющий контроль деятельности тайных орденов. Его узкие синеватые губы шевельнулись:

⁸ Полная функция управления человеческим обществом подразделяется на шесть уровней или приоритетов: методология, хронология, идеология, экономика, средства геноцида, военные средства.

– Что-нибудь случилось, владыка?

Акум выдержал черный огонь взгляда жреца, поежился, стараясь выглядеть таким же невозмутимым.

– Мой помощник получает откуда-то важную конфиденциальную информацию...

– Это нормально, – ровным голосом сказал Тивел. – У него должны быть свои каналы получения информации.

– Да, конечно, – согласился Акум, – только при этом он мне не отчитывается. Что насто-
раживает. Но суть не в этом. Попытки полного подчинения России нашей идеологической
системой не приводят к успеху. Мало того, наших людей начинают уничтожать. Причем везде:
не только на территории самой России, но и за ее пределами. Требуется пересмотреть целевые
установки...

– Я понял. Хотя... пересматривать наши идеологемы рано. Мы еще не полностью реали-
зовали потенциал третьего приоритета. Дойдем и до второго, и до первого. Всему свое время.
Ошибочно считать, что покорение России – дело одного-двух десятилетий. Мы работаем с ней
уже две тысячи лет. А вашему Союзу – всего полстолетия. Работайте в прежнем режиме.

Акум поймал еще один высверк гипнотического взгляда собеседника, склонил голову.

– Согласен, господин.

– У вас все?

– Есть абсолютно неотложные мероприятия...

– Я в курсе. Ваш помощник вполне справится со всеми вашими поручениями.

– Он жаждет схватиться с Русским орденом, – ухмыльнулся аббат.

– Это ему не по зубам, но пусть попробует. Что-нибудь еще?

– Русский орден подчиняется вашим соперникам, волхвам...

– Это заблуждение. Орден действует самостоятельно, хотя контакты и возможны. Кстати,
этим обстоятельством можно воспользоваться для дискредитации движения и перехвата
управления. Орден должен войти в СТО, под ваше крыло, дорогой лорд, и тогда мы займемся...

Он не договорил, но Акум и так понял, кем собирается заняться Кондуктор. Русские
волхвы в самом деле были непримиримыми врагами жрецов и магов Криптосистемы. И
несмотря на то что волхвы потерпели поражение в прямой войне с магами, еще во времена
гипербореев, они не подчинились Геократору и продолжали готовить своих учеников, витязей,
для новой освободительной войны. И становилось их – несущих идею русского возрождения
– все больше и больше.

– Прощайте, лорд, – сказал Тивел. – Понадобитесь, я сам свяжусь с вами.

Он как бы подчеркивал, что не стоит беспокоить его по пустякам. Хотя Акум на сто
процентов был уверен, что Стратега волнуют те же проблемы.

Экран монитора показал красного паука и погас.

В кабинете тенью проявился слуга.

– Время омовения, владыка.

– Иду, – отозвался Великий Отец СТО.

Федоров

6 декабря

Лев Людвигович ехал из Москвы в Кострому буквально окрыленный.

Шарипов не только пообещал профинансировать проекты по созданию У-реактора и «летающей тарелки», но и построить научно-производственный центр, который должен был возглавить Федоров. Задачи центру пока не ставились, но и так было понятно, что главный спонсор ждет от этого начинания конкретной отдачи, воплощения в металле теоретических разработок инженера.

Договорились они и о том, что создание центра пока должно вестись тайно, тихо, без пиара и шума в прессе, чтобы идею не перехватили возможные конкуренты. Последняя просьба Шарипова показалась Льву Людвиговичу смешной, конкурентов у него не было, если не считать Владимира Семеновича, работавшего в Минске, но тем не менее обещание сохранить развертывание центра в тайне он дал.

– Поезжайте домой, – сказал ему на прощание директор «Ямалгаза», – подготовьте все материалы, модели и недостроенные аппараты к перевозке. Я еще не знаю, где мы будем устраиваться, в столице или в Салехарде, где я ни от кого не завишу. Как только решение созреет, я дам вам знать. Желаю удачи.

С этим напутствием Лев Людвигович и уехал из Москвы. Сначала в Кострому, чтобы разобраться в документации, потом в Брянск, за женой, а оттуда снова в Кострому. Позвонил Данилину, чтобы обрадовать друга своими успехами, пригласил его к себе. Договорились встретиться в субботу седьмого декабря на квартире Федоровых, предвкушая теплую дружескую беседу.

Пятого декабря Лев Людвигович съездил в деревню Суконниково, полдня провозился в холодном сарае, заканчивая монтаж действующей «летающей тарелки», хотел было даже запустить ее, но отложил эксперимент: ударили морозы, температура воздуха упала ниже двадцати градусов, и полет был чреват обморожением. Нужно было подготовиться к летным испытаниям серьезно, приобрести летный комбинезон и унты.

Шестого декабря Лев Людвигович снова занялся упорядочиванием документации, хранящейся в шкафах, и копированием наиболее важных своих теоретических работ и расчетов. Переписав их на дискеты, он спрятал один комплект в стол, а второй положил в конверт, написал: «Андрюше Данилину», – и спрятал в карман зимней куртки, чтобы передать при встрече Андрею. Не то чтобы он подстраховывался на случай потери расчетной части проектов, не слишком надеясь, что она для кого-то будет представлять интерес, но все же считал, что документация должна храниться в надежных руках.

В принципе, он мог бы и отдохнуть дома после трудов праведных, расслабиться в компании с женой, привыкшей терпеливо ухаживать за мужем и сносить его образ жизни, но дом для Льва Людвиговича никогда не был тихой гаванью. Он везде работал, в том числе в собственной квартире, превратив ее в лабораторию, в небольшой испытательный стенд. Здесь он сделал первые расчеты стандартных квадрупольных генераторов, здесь провел первые опыты с антигравитационными весами, здесь построил и испытал первые модели «летающих тарелок».

Вечер шестого декабря застал Федорова за компьютером. Он все еще искал «изящное» решение конструкции космического корабля для полета на Марс. Хотелось окончательно сразить Шарипова и его экспертов, представив им детальный чертеж «тарелки», способной доставить на Красную планету экипаж в количестве семи человек.

– Может быть, сходим поужинать в ресторан? – робко заглянула в кабинет мужа Лена.

Лев Людвигович отрицательно мотнул головой, увлекшись работой. Жена тихо закрыла дверь, зная, что в минуты творчества мужу лучше не мешать. Она была идеальной супругой для такой увлекающейся натуры, как Федоров, и он иногда ловил себя на мысли, что ему крупно повезло в жизни. Женщины, подобные Елене, дарини и берегини, – встречаются на дороге жизни нечасто.

Подумав об этом, Лев Людвигович записал изображение «тарелки», вместе с расчетами, на «сиди», прибавил несколько слов от себя – напутствие Данилину и решительно выключил компьютер. Надо было отдохнуть. Предложение жены пойти поужинать в ресторан прозвучало весьма кстати.

– Собирайся, Леноч, – объявил он, появляясь в гостиной, где жена смотрела телевизор. – Пойдем ужинать.

Елена расцвела, засуетилась, убежала в спальню переодеваться. Оделся для похода в ресторан и Лев Людвигович, вытащив из шкафа единственный «парадно-выходной» костюм в темно-синюю полоску, в котором он ездил в Москву.

Однако осуществить задуманное супругам не удалось.

В дверь позвонили.

– Открой, Лева, – попросила из спальни Елена. – Я еще не готова.

– Интересно, кто это решил навестить нас, – хмыкнул Лев Людвигович, глянув на часы: шел девятый час вечера. – Может, Андрей?

Он посмотрел в дверной «глазок».

На лестничной площадке перед дверью стояла молодая женщина в дубленке зеленоватого цвета и вязаной шапочке. В руках она держала блокнот и ручку.

– Кто там? – спросил Федоров.

– Я из ЖЭКа, – заговорила женщина. – Откройте, пожалуйста. Мы проводим опрос жильцов района и записываем их пожелания по улучшению качества обслуживания.

– Надо же, проснулись... – пробормотал Лев Людвигович. – Неужели у властей руки и до этого дошли? Не зря я за мэра голосовал.

Он открыл дверь.

И тотчас же возникшие буквально из воздуха дюжие молодые люди в обычной гражданской одежде – куртки, вязаные шапочки, кепки, шарфы – заломили за спину руки Льву Людвиговичу и втащили в прихожую.

Из спальни на шум выглянула Елена в темно-вишневом вечернем платье, округлила глаза.

– Что вы делаете?! Кто вы такие?!

Женщина в дубленке и третий молодой человек в меховой куртке подскочили к ней, схватили за руки, зажали рот. Затем силой усадили на стул и связали принесенной с собой клейкой лентой, сноровисто заклеили рот.

Льва Людвиговича тоже попытались усадить в кресло, но он уже пришел в себя и начал сопротивляться. Обладая недюжинной физической силой, он буквально впечатал одного из держащих его парней в комод, а второму сломал палец, стряхивая его с себя. Однако брали его профессионалы, знающие приемы рукопашного боя, поэтому борьба длилась недолго.

Льва Людвиговича ударили в живот, в спину, по голове, скрутили, связали и впихнули в кресло. Женщина в дубленке подошла к нему, дернула за волосы, заставляя Федорова задрать голову к потолку.

– Где материалы?!

– Какие материалы? – с трудом выговорил инженер, перед глазами которого плыли огненные круги; от удара в живот внутренности плавились и корчились, и он боялся, что его вот-вот вырвет.

– Те, что ты привозил Шарипову!

– Я ничего не...

Удар по затылку! Искры из глаз!

– Где расчеты У-реактора и «летающей тарелки»? Говори, иначе умрешь!

– Подите вы на...

Еще удар!

– Не скажешь, герой, искалечим жену! Миха, выколи ей глаз!

– Нашел, – раздался из кабинета Федорова голос одного из непрошенных гостей. – У него все расчеты в компе и дискеты в столе.

– Должны быть еще копии.

– Вроде нет ничего.

Женщина сняла вязаную шапочку, приблизила странно неподвижное, равнодушное лицо со сверкающими фанатическим блеском глазами к лицу Льва Людвиговича. У нее были очень короткие льняные волосы, как у мальчишки. И еще Лев Людвигович заметил в ушах гостьи черные – не металлические, а как будто керамические – сережки в форме креста.

– Есть еще копии? Говори!

– Н-нет... – прохрипел Лев Людвигович.

– Миха, отрежь ей нос!

– Не надо! – дернулся Лев Людвигович, застонал, получив удар по лицу. – У меня все там... в компе... в кабинете... За что?! Чего вы хотите?!

– Ты влез не в ту сферу знаний, изобретатель, – усмехнулась визитерша, провела ладонью по лицу; у нее были длинные ногти, выкрашенные черным лаком с золотыми точечками. – Занялся бы лучше разработкой тракторов для сельского хозяйства, а не теорией УКС. Или спортом. Вон какой ты большой и здоровый. Как там говорит пословица? В здоровом теле – здоровый член?

Спутники допросчицы заржали.

Она тоже улыбнулась, и тут же глаза ее заледенели.

– Где твои экспериментальные образцы? Ну?!

– Я отдал...

– У Шарипова только один, игрушка, где остальные?

Удар в грудь!

Лев Людвигович задохнулся от боли, закашлялся.

– Говори!

– Дураки... будьте прокляты!.. у меня ничего не...

Удар, глухая темнота.

Женщина в дубленке недовольно скривилась, подошла к Елене. По ее жесту парень сдернул с губ пленницы ленту.

– Может, ты знаешь, где муж прячет свои цапки?

– Здесь у него куча всяких приборов и устройств, – подал голос помощник женщины. – Две юлы, какие-то коробки...

– Шарипов признался, что инженер где-то строит образец в натуральную величину. Где он, моя милая? Говори, не то отрежу нос и уши!

– Я не знаю... – проговорила, содрогаясь, Елена, с ужасом глядя на допросчицу с мальчишеской прической. – Здесь ничего нет, только в деревне...

– Конкретнее!

– Лена, молчи! – пришел в себя Федоров.

Его ударили по затылку, но он вдруг неимоверным усилием разорвал путы, вскочил и страшным ударом в лицо отбросил повисшего на нем парня к стене, буквально расплющив ему нос.

Раздался выстрел.

Пуля попала Льву Людвиговичу в грудь.

Он с удивлением посмотрел на дырочку, появившуюся в белой рубашке на груди, поднял брови. Потом ноги его подкосились, и он мягко осел в кресло.

– Идиот! – гневно бросила предводительница группы. – Он был нам нужен живым!

– Он мне башку чуть не снес!

Завизжала Елена, пытаясь встать. Парень сзади ударил ее рукоятью пистолета по затылку, и она потеряла сознание.

Женщина склонилась над Федоровым.

– Кто еще знает о твоих разработках? Ну?! Где ты хранишь свою «тарелку»? Здесь? В Брянске? Ну?! Говори!

– В Брянске... – Лев Людвигович поднял на нее мутнеющие глаза; изо рта на подбородок и на рубашку стекла струйка крови. – Вас будут судить...

– Вряд ли. Но твои исследования мы закроем.

– Дураки... этот процесс... уже не остановить... по моим следам идут десятки других исследователей... а будут сотни и тысячи...

– Где ты спрятал аппарат?!

Лев Людвигович скосил глаза на скорчившуюся жену, прошептал:

– Прости, Леночка... – Затем пальцы его правой руки сложились в кукиш, он вздрогнул, широко раскрывая уже ничего не видящие глаза, и застыл. Пальцы разжались.

– Сволочь! – выругалась начальница группы, разгибаясь. – Ищи теперь...

– Она сказала – в Брянске, – заметил парень, который стрелял в Федорова, морщась и держась за голову. – Найдем.

– Обыщите квартиру.

– Здесь больше ничего нет.

– Уходим.

– А с ней что делать?

– Не оставлять же в живых, свидетели нам не нужны. Поройтесь в их вещах, заберите деньги и бижутерию, пусть менты думают, что это ограбление.

Раздался еще один негромкий выстрел...

Данилин

7 декабря

Неделя закончилась спокойно, без инцидентов и конфликтов. Депутат городской Думы Лазарев и его «шестерки» больше не приставали с требованием «поучить мальчишек» рукопашному бою, в школе тоже установился благоприятный климат, и Андрей слегка расслабился, веря в окончательную победу здравого смысла над темными силами. Добавил приятных оттенков в настроение и звонок Федорова, который приехал из Брянска с женой и пригласил Данилина в гости, на семейный ужин.

Утром в субботу седьмого декабря Андрей встал рано, убрал кровать, позанимался полчаса растяжкой мышц и сухожилий – без особой нагрузки – и принялся разбирать сложенные стопками по углам комнаты книги. Единственный книжный шкаф был забит под завязку, две полки над столом тоже ломились от книг, и надо было почистить библиотеку, освободиться от старых, ненужных и прочитанных книг.

В девять часов его позвала Анна Игнатьевна – завтракать.

Сначала он стеснялся такого проявления заботы со стороны старой учительницы, потом понял, что иначе она жить не может, не ухаживая за кем-нибудь, и смирился с положением «полуквартиранта-полуродственника».

На завтрак были манные котлеты, фруктовый салат и чай.

Бабушка Аня знала пищевые пристрастия постояльца и всегда готовила ему именно то, что он выбрал бы и сам.

– Прочитала тут газету недавно, – сказала она, наблюдая, как Андрей ест. – Правительство автор высмеивает. Как ты думаешь, имеет право?

– Наверное, имеет, – пожал плечами Данилин. – В нынешние времена всяк может слабого обидеть. А что пишут-то?

– Сейчас процитирую, – улыбнулась Анна Игнатьевна, разворачивая газету. – Уж больно ерничают автор. Вот, нашла. – Она поправила очки. – «Наше правительство – это команда единомышленников. Артель профессионалов. Союз мысленных и находчивых. Смешливых и добычливых. Это – наши Столыпины, Плеве и Витте. Наши битте-дритте. Наши грефы и трефы. Они – те, кто по первому зову, отбросив все лишнее, несущественное, могут тут же собраться и сыграть в преферанс».

Андрей не выдержал, засмеялся.

Рассмеялась и Анна Игнатьевна.

– Тут еще есть пассажи, про министров – кто за что отвечает, и даже про президента. Не боятся же такое писать! Раньше при коммунистах автор живо загремел бы на Соловки.

– Свобода слова, Анна Игнатьевна, ничего не поделаешь. А что про министров пишут?

– Пожалуйста. «У каждого свой участок, свое хобби. Военный министр отвечает за падающие вертолеты и взорванные бэтээры. Вице-премьер ответственна за голодовки учителей и самоубийство безденежных офицеров. Министр экономразвития отвечает за „экономическое чудо“ в отдельно взятых родовых поместьях олигархов. Сельхозминистр – за лебеду. Министр образования – за неграмотность. Министр культуры, с привычным для элиты матерком, занимается реституцией».

Андрей опять засмеялся.

– Хорошо их припечатали, весело. Только вряд ли они читают газеты, наши супердорогие министры. Как занимались своими личными делами, не обращая внимания на критику, так и будут заниматься.

– Это верно, – грустно согласилась Анна Игнатьевна. – Что для наших чиновников глас народа? Пустой звук. Главное для них – добраться до властного кресла, а там хоть трава не расти. Ты куда сейчас собираешься?

– На тренировку.

– Отдохнул бы, а то вон какой худой, никак я тебя не откормлю.

– Я всегда такой был, Анна Игнатьевна. А отдыхать не приучен. Как говорит мой друг

Лева: жизнь – это небольшой труд перед большим отдыхом.

– Это какой-то классик говорил, уж не помню, кто именно.

– Может быть.

– Лева – это Лев Людвигович, у которого ты в гостях был недавно?

– Он приехал с женой, сегодня посиделки устраиваем. Очень интересный человек и блестящий ученый. Открытие сделал.

– Какое?

– Как полететь на Марс, не применяя жидкотопливные ракеты.

– А какие же? Атомные, что ли?

– Говорит – антигравитационные. Игрушки у него действительно летают, так что чем черт не шутит? Вдруг получится.

– Ну, пожелай ему божеского просветления.

– Непременно передам.

Повозившись еще с полчаса с книгами, Андрей побрился и поехал на тренировку.

Собрались почти все. Отсутствовал только Кутузов, который передал через свою племянницу, тоже ходившую на занятия, что он в командировке.

– Сегодня мы продолжим знакомство с упражнениями, которые начали изучать на прошлом занятии, – сказал Андрей, привычно прикидывая готовность группы воспринимать его указания. – Медитативно-сенсорная гимнастика поможет вам раскрыть ранее неизвестные силовые возможности. Для того чтобы они проявились еще более мощно и помогли добиться цели, нужно прежде всего восстановить былую гибкость позвоночника, суставов и эластичность мышц. Упражнения, которые я вам предлагаю, предельно просты в исполнении, но прекрасно развивают суплес, помогают разработать суставы и добиться истинной молодости тела. Кстати, их можно выполнять вместо утренней гимнастики.

Итак, начнем с дыхания. Эта дыхательная система проверена опытом тысяч людей и зарекомендовала себя как эффективное средство очищения организма от негативных энергий и «шлаков» – остатков психических перенапряжений.

– Вопрос можно? – поднял руку Жора Решетов, самый молодой член группы; его больше всех интересовал смысл каждой практической методики. – Дыхание ведь это один из методов подготовки медитации, так? Разве мы будем медитировать, а не тренироваться?

– Не спеши, – улыбнулся Андрей, – всему свое время. Вы должны научиться не только защищаться и калечить противника, но и самостоятельно лечиться, нормализовать сосудистые реакции, гармонизировать сердечную деятельность, укреплять мышцы диафрагмы, восстанавливать самочувствие и многое другое. Начинаем. Исходное положение: ноги чуть шире плеч, слегка согнуты в коленях, спина прямая, ладони повернуты к животу, кончики указательных и больших пальцев соприкасаются, образуя ромб.

Андрей прошелся по рядам учеников, показывая, на какой высоте устанавливаются ладони.

– Руки согнуты в локтях, локти разведены в стороны. А теперь делай, как я. Вдох начинаем медленно, ровно и одновременно поднимаем раскрытые ладони, повернутые вверх, к плечам...

Он показал упражнение, проверил выполнение каждым учеником. Затем продолжил занятие, показав вторую и третью фазу цикла, отличную от первых двух тем, что последний вдох задерживался в груди, и выдох делался за счет мышечного сокращения грудной клетки.

– Это стандартный «лотос», – закончил движение Андрей. – Если будете начинать день с этого упражнения и делать постоянно, по девять циклов в течение дня, то скоро почувствуете значительное повышение тонуса. Теперь займемся непосредственно системой восстановления позвоночника. На эту тему есть великолепные стихи, написанные одной целительницей:⁹

Тихо замираю – силу собираю
И ее пускаю молнией-спиралью
Каждой клетке тела, чтобы тело пело,
Чтоб оно звенело, птицею летело!
Синей птицей счастья я парю над лесом,
Сила защищает от болезней, стрессов.
От хандры, от горя нет верней защиты.
Справа вижу моря зеркало в морщинках.
В этом небе синем я над морем синим
Стану крепкой, сильной, молодой, красивой!
Я могу, я смею, человек все может!
Выстоять сумею. Сила мне поможет.
Сила в жилах потекла,
Позвоночник как стрела.
С-с-сила! Ставлю я замок,
Чтобы стресс пройти не смог.

Последние слова Андрей выговорил с мощной подачей вибрирующего звукового потока, и группа шатнулась, зароптала, послышались восклицания, вздохи восхищения, хлопки в ладоши.

– Приготовились, – поднял руку Андрей, покоряя шум. – Встанем в исходную стойку. Ноги шире плеч, слегка согнуты в коленях. Руки согнуты в локтях перед грудью...

Занятия продолжались еще час и закончились тренингом приемов рукопашного боя без оружия. В половине второго Андрей вышел из Дворца спорта, глубоко вдохнул морозный воздух и подумал, что, несмотря ни на что, жизнь продолжается. Хотя отношение к ней у разных людей разное. Вспомнились стихи Анны Ахматовой:

Все мы немного у жизни в гостях.
Жить – это только привычка.

Наверное, у поэтессы имелись причины так говорить, но Андрей в данную минуту был с ней не согласен. Он делал свое дело, учил детей, тренировал взрослых, ищущих способы самовыражения и самосовершенствования, он был востребован жизнью и любим учениками, и некоторые мешающие жить счастливо моменты погоды не портили. В конце концов, как говорил первый учитель Данилина по рукопашному бою: все проблемы решаемы, кроме смерти.

⁹ И. А. Васильева, научный работник, специалист по аутотренингу.

На деревья в парке напротив Дворца спорта села стая ворон. Одна из них сделала круг над Андреем, словно спрашивая, чего он остановился, и ему вспомнился случай, происшедший во дворе дома, где он теперь жил. В подъезде жила семья бездомных котят, которых кормили чуть ли не все жильцы дома. Андрей тоже иногда выносил им остатки еды и стал свидетелем того, как огромная ворона вдруг стала оттащить котят от площадки с кашей за хвосты! А тех котят, которые норовили подойти к своей кормушке снова, она тюкала клювом по голове. Пришлось отгонять наглую птицу, прославленную во многих сказках и легендах благодаря отнюдь не птичьему уму.

Андрей улыбнулся, зашагал к машине.

Ворона, наблюдавшая за ним, сорвалась с ветки и сделала над ним еще один круг.

Что за наваждение? Неужели он так ей понравился? Или, наоборот, птицу раздражает цвет его куртки – голубой, с белыми прострочками?

Андрей вдруг почувствовал легкую тревогу. Прислушался к себе, не понимая, чем вызвано беспокойство.

Субботный день был по-зимнему свеж, безмятежен, искрился снег под лучами низкого солнца, прохожие спешили по своим делам, не обращая внимания на застывшего Данилина, редкие машины проскакивали мимо, шелестя по асфальту шипованными шинами, ничто не задевало сознания и не привлекало взор. И тем не менее Андрею показалось, что небо закрыла грозовая туча.

Он поспешил к машине, подумав прежде всего об Анне Игнатьевне. Старушка часто жаловалась на быструю утомляемость и головные боли. Он лечил ее, снимал синдром хронической усталости, понимая, что старость не лечится никакими медикаментами, но всерьез за жизнь старой учительницы не беспокоился. Ее предел еще не наступил. Но вдруг случилось что-то более серьезное?..

Однако все его страхи оказались напрасными.

Анна Игнатьевна спокойно сидела в гостиной в своем уютном старом кресле и вязала.

– С вами все в порядке? – обрадовался он, сдерживая разогнавшееся сердце. – В магазин сбегать не надо?

– Да я уже сама сходила, – улыбнулась Анна Игнатьевна. – Тебе звонили из милиции, капитан Скрылев... Смирнов...

– Скрылев? – Андрей почувствовал, как напряглись мышцы живота. Интуиция его не подвела: что-то случилось. Но что? И с кем?

– Что он сказал?

– Просил позвонить, как только ты приедешь.

Андрей без лишних слов набрал номер мобильного телефона Скрылева. Кирилл Степанович был капитаном криминальной милиции, его сын занимался в спортивной секции в школе, где работал Данилин, и они были знакомы давно, уже несколько лет.

– Кирилл Степанович? Это Данилин. Вы мне звонили?

– Приезжайте на Советскую, срочно!

– Что случилось?

– Убиты ваши знакомые.

– Кто?!

– Лев Федоров и супруга.

Сердце оборвалось.

– Еду! – глухо проговорил Андрей, глядя перед собой невидящими глазами. Бросил трубку, зашагал к выходу.

– Что с тобой, Андрюша?! – всполошилась Анна Игнатьевна. – Случилось что?

– Леву убили... – выговорил Андрей замерзшими губами и стремительно вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.